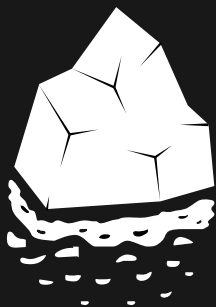

ПАВЛЮК ДМИТРИЙ

СБОРНИК РАССКАЗОВ

БОЛЬ

ПАВЛЮК ДМИТРИЙ

СБОРНИК РАССКАЗОВ

БОЛЬ

Боль побуждает человека мыслить.

А то, что побуждает мыслить,
больше самих мыслей.

СИНГУЛЯРНОСТЬ

«Я ведь хочу этого. Помни, что ты хочешь этого. Стремись! Ты ведь хочешь этого? Пробуй и добивайся» – твердил он себе. Его губы беззвучно выговаривали слова, пальцы, зажатые узкими перчатками, сжимали руль.

Педаль газа. Его ступня нежно, в то же время и нервно, постукивала по ней. Машина на секунду дергалась с места, двигатель взрывался жутким, диким ревом, но замолкал. Клубы пыли лились из под колес. Толпа в напряжении.

Сотни камер, зрители, не помещаясь на трибунах, толпились у перил, забирались на деревья и ограждения.

«Ты сможешь» – сказала его мама. «Ты сможешь» – сказал его брат. «Мы верим» – сказали его друзья. Еще отец... Он наговорил странных вещей. «Подумай» – пронесся в голове его размеренный тихий голос.

– О чем подумать? – спросил он.

Отец молча поставил стакан воды на тумбу.

– О чем подумать, отец? – спросил он снова – О том, что ты мне предложил? Да это бред! Я не смогу! Это... Это не для меня, понимаешь? Это...

Отец не поднимал взгляда. Смотря куда-то вниз, он стоял и слушал. Вернее, слышал, но не слушал, будто пребывая в глубоких раздумьях. Его брови, с чуть проступившей сединой, нахмурились, а губы сжались.

– Ты же знаешь, я мечтал об этом с детства! Этот прыжок – все для меня.

Он взглянул на отца.

– Отец! – закричал он.

Толпа ликовала. Диктор, крича в микрофон, произносил его имя. «Первый гонщик в истории, решившийся на такой продолжительный прыжок! Это невероятно!». И крики. Толпа в восторге, стоит лишь сказать определенные слова с определенной интонацией – и чувство величия момента обеспечено.

«Ты хотел этого. Ты ведь еще хочешь? Конечно, ты хочешь!».

– Главное – желание! – сказали ему в страховой компании, хлопая по плечу и расплываясь в четкой, безукоризненной улыбке. Он пожал им руку, бросил ручку на стол и посмотрел на бумаги. «Главное – желание...».

Это ведь так просто... Зажми педаль, держи

руль, смотри вперед и... молись. Надейся. Дальше все пойдет так, как пойдет. Дальше все будет, как...

Они с отцом не могли удержаться от смеха. Волны, мелкие, бьющиеся о борт их лодки, хлюпали, мялись. Они не могли остановиться. Смех лился из них, прямо из их животов.

Солнце все ниже опускалось к волнам, все ускоряя и ускоряя свое падение. Еще чуть-чуть, и раскалённый шар опустится в воду, которая, казалось, тут же вспенится, зашипит, и пар окутает небо.

Им все еще смешно. Их уносило все дальше и дальше от берега. Лодка качалась на волнах. Они лежали на дне, переводя дух, и смотрели на меняющееся цвет небо.

Тогда он неверно привязал лодку. Узел разошелся, и пока они разгружали вещи, лодка отплыла от берега. Тогда отец сказал слова, смысл которых он до сих пор не понял...

Как это было? Кажется: «Неосознанные поступки могут увести тебя очень далеко от дома». Чтобы ни значили эти слова, они так и останутся словами из воспоминаний.

Кожаные перчатки скрипели от любого движения, куртка, брюки – все из несгораемого материала. Ремень застегнут, в шлеме по лицу сте-

кает пот. Он видел, как танк проезжал по этому шлему, и тот остался цел. Но ему беспокойно. Смотря вперед, на прямую дорогу, трамплин, он представляет себе триумф, авации, восторг на лицах, но... во все это врывается нечто темное, и становится... страшно.

Врезав по рулю, переведя дух, растрясшись всем телом, он несколько раз стукнул по шлему, включил радио, и узкое пространство, захваченное металлическими решетками, заполнилось странными, полумелодичными грубыми звуками.

Музыка не надолго отвлекла его от мыслей. На трибунах пестрели людские тела. Огромные белые кисти с поднятым вверх указательным пальцем, баннеры, на которых красным написано: «Вперед! К мечте», «Ты сможешь!»... На одном из них чье-то имя. Чье-то, но не его. Они смеются? Или просто ошиблись?

Солнце пробивается сквозь крышу. Сквозь засыпанное песком стекло. Жара. Машина нагрелась, и, пожалуй, на капоте легко можно пожарить яичницу. Он чувствует, что хочет есть. И что нога его подрагивает. Лежа на педали, как на спусковом крючке пистолета, приставленного к его виску.

– Ты уверен?

– Да! А почему нет? Здесь все дело в скоро-

сти...

– Нет. Не все. Угол тоже имеет значение.

– Думаешь, слишком мал?

– Естественно, он слишком мал! Ты не пролетишь и 20-и метров. Это... Безумие это!

– В этом и заключается рекорд, понимаешь? На большом трамплине смог бы любой.

– Ерунда! Не любой! Да ты послушай себя! Это же...

– Я не буду его увеличивать. Не. Буду. Ясно? Если я его увеличу...

– Ты...

– Если я увеличу – это будет не мой рекорд! Это будет даже не рекорд, ясно?

– Да послушай...!

– Нет! Ты говоришь одно и то же, а я отвечал тебе на это сотню раз. Если ты думаешь...

...Музыка уже не спасала, мысли лезли в голову и заглушали ее, а вместе с ней и рев мотора, шум толпы. Он смотрел сквозь стекло, сквозь солнечное утро на трамплин, который теперь оказался чертовски мал. Чертовски мал – и теперь он сам видит это.

«Все дело в скорости...» – подумал он. Может, все обойдется? Может, нужно было продумать все лучше?

Уверенность в себе подкреплялась лишь об-

щественным мнением – сдать назад нельзя. Все эти люди пришли увидеть его прыжок – самый длинный в истории. Тот самый прыжок, к которому готовила его жизнь и к которому, как оказалось, он совершенно не готов. Но ему так хочется!

Эта мысль придала ему сил. Ему так хочется! Он хотел этого всю жизнь. Он ждал этого всю жизнь. И он сделает это. Сегодня. Отложить на время и тщательнее все продумать? Где же, тогда, кончается вся эта тщательность, верно?

«Я ведь хочу этого. Помни, что ты хочешь этого. Стремись! Ты ведь хочешь этого? Пробуй и добивайся. Ты хочешь этого. Это то, чего ты всегда хотел».

– Я хочу этого – сказал он вслух.

Диктор в своей будке выкрикивал его достижения, расхваливал его, преподносил толпе, которая восторгалась им. Ему захотелось вылезти из машины, показаться, взмахнуть руками и смотреть, как люди любят его, как они восхищены им. Это было жутко приятно осознавать – будто то, что ты делаешь, оценено, и оценено по достоинству.

Как он может разочаровать их? Да он и не хочет! Он никогда не хотел никого разочаровывать... Сегодня она пожалеет, что так поступила

с ним. И те слова, что сказала ему, снова будут колоть сердце. Но не его сердце. Ее сердце. Он помнит, и она, наверняка, тоже помнит все в мельчайших подробностях. Он винил ее, она винила его, но, в сущности, он знал, что виноват. Он... Он просто не хотел уходить вот так. Как подонок. Он... ждал, пока это не стало невыносимо для нее, и тогда его уход был бы милостью.

– Ты серьезно? – спросил он.

– Да – ответила она, всхлипнув и смахнув снова накопившуюся слезу.

Они молчали. Он не знал, что сказать, а она ждала, что он скажет хоть что-то, чтобы спасти их. И была разочарована, когда все, что он сказал, он говорил лишь для того, чтобы спасти себя.

– Я не подпишу.

Она снова всхлипнула и закрыла лицо руками, пытаясь взять себя в руки и не моргать так часто.

– Я и не рассчитывала, что хоть раз в жизни ты сделаешь что-то ради меня.

Его это взбесило, он смахнул все со стола и наговорил еще много. Но сегодня... Он надеется, сегодня она смотрит, видит, гордится им.

Вдруг – его имя. Отвлекся. Пропустил. Публика в нетерпении повторяет его имя, как эхо, кричит. Педаль. Газ. Клубы пыли, мелкие камни

бьются о корпус. Его прижало к сидению, а машина несется, ревет, от капота поднимаются расплывчатые волны горячего воздуха.

Трамплин впереди возматас, линия невозврата все ближе. Еще можно остановиться... «Нет! Не хочу! Вперед!».

Толпа неистовствует. Диктор выкрикивает фразы, предложения, слова. «Поприветствуем смелого гонщика и его железного монстра – сингулярность!» Его сердце бьется, а в груди по венам расходится волнение.

«Естественно, он слишком мал... И 20 метров... Ты не долетишь...» – все еще можно исправить, всегда есть второй шанс.

«Ты хочешь этого. Ты этого хочешь».

Его нога все сильнее прижимает педаль газа к полу. Переключая скорости, с каждой – все ближе к цели. Он слишком мал. Он слишком мал, а обрыв, расщелина, другая сторона – все такое огромное. Трамплин кажется мизерным по сравнению со всем этим.

Он замечал, как с приближением все растет. Все, кроме одного – трамплина. Такой же маленький, такой же одинокий.

Все трясет, колеса мчат по гравию, подскакивая на каждом мелком камне. Вцепившись в руль, он смотрит перед собой. Плевать на все.

Риск есть везде, верно? Это и есть рекорд!

«Ты сможешь!»

«Мы верим!»

«Подумай...»

Машина оторвалась от земли и взмыла вверх. Солнце било всей своей мощностью прямо в лицо. Казалось, будто он в невесомости. Все тело будто стало пушинкой, вся стокилограммовая машина зависла в воздухе. Неопишущее чувство свободы. Легкости. Скорости. Все звуки прекратили свое существование, а время сузилось и текло, текло, расплывалось у него в руках, таяло, исчезало.

– О чем подумать, отец!? – пытался он докричаться до него, краснея. Вена на его виске вздулась.

Отец поднял глаза на сына. Они были полны спокойствия, разумности... и, кажется, немного печальны.

– Подумай о людях – сказал он – О людях, которые окружают тебя. О близких. О тех, кому ты важен...

Под ним раскинулась пропасть. Колеса прокручивались в воздухе, смахивая пыль...

– Подумай о семье – продолжал отец – О детях, которых ты можешь иметь. О прекрасной жене, которую я вижу рядом с тобой. Которая

ждет тебя, хоть и ни ты, ни она об этом не знаете...

В лобовое стекло он прекрасно видел другую сторону обрыва. Капот его машины начал медленно опускаться...

Отец замолчал. Сын смотрел на него с непониманием.

– Подумай вот о чем: не сделают ли твои желания невыносимо больно всем этим людям?

В ПОИСКАХ СЕБЯ

В поисках себя я забрел в лес. Свой собственный лес, какой есть у каждого ныне живущего, какой был у каждого ныне усопшего и какой будет у всех, кто найдет дерзости родиться. Тот лес, куда мы убегаем от всего, что нас окружает, где бродим часами, порой отламываем высохшие ветки, порой сажаем новые семена, которые или погибают, или дают ростки: иногда мелкие, незаметные кустики, а иногда – величественные, крепкие деревья, чьи корни уходят глубоко под землю, переплетаясь, пропитывая ее, как влага.

У каждого он свой, и заглянуть в него может лишь хозяин, другим путь туда навеки закрыт, они могут судить о нем лишь по рассказам, которые, в сущности, никогда не смогут передать его в полной мере.

Я часто заглядывал в него, и теперь он манит меня. Стоит зайти в лес однажды – и ты вернешься, непременно вернешься, и с каждым разом

будешь проводить в нем все больше и больше времени. Ты и не заметишь, как ноги сами уносят тебя в его темные недры.

Многие лишь изредка забегают в свой лес из надобности, а затем быстро выбегают, боясь углубиться, сойти с тропинки и навеки потеряться в нем, отчего он редет и медленно иссыхает. У некоторых леса слишком густые, в них не пробраться, потому как всюду то и дело высывается и мгновенно прорастает новое тонкое, хлипкое деревце, которое легко поддается дуновению ветра и ломается, а на его месте тут же вырастает другое. У многих в лесу есть всего одно дерево, которое они холят и лелеют всю жизнь, заботятся о нем днями и ночами, ждут, пока оно даст корни и плоды, но их все нет, а дерево похоже на огромный столб, врытый в землю. Мой же лес был другим.

Деревья в нем были высоки, но корни не держали их, и зачастую в нем раздавался треск и грохот – так падали огромные, крепкие стволы, ломая ветви. Изощренные переплетения ветвей закрывали солнечный свет, потому в лесу было темно и холодно – редко можно было встретить теплый луч света, пробившийся сквозь густую листву. В нем легко было заблудиться – даже я порой не мог найти из него выхода.

Слишком долго я пренебрегал им, слишком долго отводил взгляд, слишком долго искал ответов не в том месте. Настало время узнать его, отбросить страх и проникнуть в самую суть, постичь его тайны.

Потому я здесь. Шагая по узкой тропинке, вытоптанной мною уже давным давно, я оглядывался по сторонам, вглядываясь меж стволов в темноту, уходящую далеко вглубь. Я дано здесь не был – некоторые тропинки заросли и исчезли, некоторые деревья повалились и перекрыли путь, сотни ветвей пали на землю и хрустели под ногами. Во всех сторон раздавались шорохи. Это зверюшки, причудливые и милые на первый взгляд, но жестокие и опасные.

Я, наконец, решился сойти с тропинки. И вот я стою у самого края, всего один шаг отделяет меня от темного, таинственного леса, я ощущаю его холодное дыхание всем телом, я чувствую, как что-то смотрит на меня из его темных глубин, и я делаю первый шаг. Что-то тут же хрустнуло у меня под ногой, я почувствовал мягкую траву, земля была рыхлой и холодной, как после дождя, пахло зеленым, воздух был совсем другим, тяжелым, пробирался в легкие и будто бы давил на тебя изнутри, и я сразу ощутил, будто попал совершенно в другое пространство, другую мате-

рию, неподдающуюся никаким глупым законам и определениям. Мне казалось, взмахни я рукой, все вокруг придет в движение, и как круги на воде, вся эта картина задрожит, расплывется, а затем вновь обретет покой и примет прежнюю форму. То же самое было и с землей: вся она насквозь была пронизана мощными корнями, они извивались, как змеи, там и тут, и в совокупности составляли огромные волны, идущие одна за другой, видимо, от центра, где что-то тревожило уже не водную, а земную гладь.

Мне пришлось залезть на один, и продолжать путь, прыгая с одного на другой, скользя и падая на твердые корни и мягкую землю, но мне жутко хотелось двигаться, хотелось бежать внутрь, глубже и глубже, чтобы воздух становился тяжелее, чтобы спотыкаться о корни, падать, вставать и бежать дальше, чтобы ветви хлестали меня по лицу, чтобы ветер толкал меня обратно. И я бежал. Бежал, не оглядываясь, почти закрыв глаза, ощущая, как я рассекаю собой то мягкое пространство, некогда пребывавшее в спокойствии, а теперь встревоженное моим появлением.

Непослушные корни вдруг начали будто бы расступаться передо мной, уходить в землю, оставляя тонкую полосу ровной земли, по которой, как я понял, мне и нужно было бежать.

Ведь это мой лес, и он, видимо, рад моему появлению. Он вел меня, мне вдруг стало намного легче дышать и бежать, я, наконец, ощущал себя именно там, где я и должен был находиться прямо сейчас, на своем месте. И это нравилось мне, я бежал, не задумываясь, бежал неосознанно, меня несла река забвения, течение уносило меня, а я и не знал куда.

Я обернулся. Лес остался позади, а я стоял на пустынном поле, где в землю уходили последние зеленые ростки. Здесь было пусто, здесь можно было бежать, можно было кричать, воздух здесь был почти незаметен, не было мешающих идти корней. Не было ничего, и это было хорошо. Но нужно ли это мне? За этим ли я здесь? Я знал ответ, и, развернувшись, медленно пошел обратно.

Я был неправ. Лес не любит, когда его тревожат, а тем более, когда по нему бегут, не зная, зачем и для чего. Лес создан для того, чтобы чувствовать его таким, какой он есть, с его тяжелым воздухом, выпирающими корнями, с ветками, бьющими по лицу – в этом и есть его смысл, его первозданная красота, его неотъемлемая черта, без которой он был бы не лесом.

Я вернулся, я вновь в лесу, но я сбился с пути и не знаю, куда я шел раньше. Все поменялось,

все стало каким-то другим, я уже не узнавал свой лес, но я должен был привыкнуть к этому, ибо другого пути у меня нет, ибо лес меняется, и чем больше я узнаю, чем больше я размышляю о нем, тем больше он становится, тем причудливее становятся деревья, тем глубже они уходят вниз и выше стремятся вверх. Это неизбежно.

Мне пришлось искать другой путь среди всей этой мешанины, и я решил просто идти, потому как все пути приведут меня к чему-то, чего я никогда не видел раньше.

В мое лесу было тихо. Это была та тишина, какую хочется слушать вечно. Ее некому было нарушить, ничто не могло испортить ее сладостной музыки. Я шагал вперед, огибая препятствия, смотря перед собой и думая о чем-то, как вдруг услышал чьи-то тихие мягкие шаги по обе стороны от меня. Они осторожно ступали по траве, и в оглушающей тишине я мог четко услышать хруст каждой сломленной травинки. Я обернулся направо, вглядываясь в лесную чащу, в поиске хоть какого-то движения, но все вдруг затихло. Я обернулся в другую сторону, но и там не обнаружил ничего странного. Тишина вновь обрела господство над этими землями, и я, в легком недоумении, которое, однако, вскоре забылось, продолжил путь. Но стоило мне снова ускорить

шаг, как я вновь почувствовал, что кто-то наблюдает за мной, идет за мной по пятам и будто бы выжидает удобного момента для нападения. Я вновь отчетливо услышал эти тихие шаги по обе стороны от меня, и теперь, не останавливаясь, я медленно косился направо, пытаюсь хоть что-то разглядеть.

В темноте, за деревьями, я вдруг увидел огромную, покрытую серой шерстью ногу неизвестного мне существа, похожего на саблезубого тигра, как мне показалось. Я видел, как грациозно двигались его плечи, как гигантские лапы ступали так мягко, что казалось, он весит не больше меня. Я медленно обернулся в другую сторону и увидел там точно такое же существо, сопровождающее меня. Меня охватил страх, я отвел от них взгляд и смотрел прямо перед собой, боясь сделать лишнее движение или дернуться, ведь в любую минуту они могли накинуться на меня и просто-напросто раздавить. Но они не нападали, они просто шли, как телохранители, рядом, почти незаметно и тихо. Как бы я ни старался, как бы не замедлял и не ускорял шаг, они неустанно шли рядом, скрываясь за деревьями, и я чувствовал это. Листва изредка шуршала, когда они задевали ее своими мускулистыми спинами, ветки хрустели и ломались,

когда они медленно подбирались сквозь лес ко мне, неизвестно зачем и для чего.

Я просто шел вперед, ожидая худшее и надеясь на лучшее, готовый в любой момент рвануть куда-то, и они, кажется, чувствовали это. Они знали, что рассекречены, и больше не исчезали, когда я останавливался и смотрел на них в упор. Они останавливались вместе со мной и медленно опускали голову, так что сначала я видел их огромные клыки, а затем и большие и свирепые желтые глаза, светящиеся в темноте. В эти моменты тишина казалось убийственной, она сверлила мозги и подыгрывала этим страшным желтым глазам и темноте вокруг, скрывавшей от меня нечто невообразимо огромное. Они скалили зубы и тихо рычали на меня, эти гигантские охранники, и я продолжал идти.

Постепенно я начал привыкать к ним, страх ушел и я не чувствовал почти ничего, кроме интереса. И это им явно не нравилось. Они будто чувствовали мои собственные чувства и ненавидели их, мне казалось, поддайся я страху еще сильнее, он бы и вовсе разорвали меня на части, радуйся я тишине, они бы проглотили меня заживо.

Мой лес не любит, когда я чувствую что-то, и прогоняет меня, сначала по хорошему, а по-

том и вот так, по плохому. И я все понял. Если ты забрался в него, если осмелился зайти в него, если захотел быть с ним, то забудь о себе, забудь обо всем, что ты видел раньше, забудь все, чему тебя учили, все, что ты точно знаешь, потому что здесь это не имеет никакого значения. Забудь все свои ощущения, выбрось из головы все свои чувства, положишься лишь на разум – и тогда ты сможешь дойти, тогда ты выживешь здесь, тогда ты станешь тем, кем ты должен быть.

Я чувствовал, как мой лес расширялся с каждой минутой моего пребывания в нем, он становился гуще, деревья становились извилистее, все будто бы старалось не дать мне двигаться дальше, остановить меня, потому что я подобрался слишком близко к центру. Ряды холмов становились все чаще, а это означало, что я почти на месте – там, где все и началось, там, где нечто посмело встревожить спокойствие этой земли, привести ее в движение, посеять первое семя, послужившее началом всему моему обширному лесу.

Мне становилось невыносимо тяжело, что-то происходило со мной, в моей голове закружились, заиграли сотни мыслей, казалось, весь мир вдруг решил залезть ко мне в голову. Калейдоскопы разных картин из прошлого, ненастояще-

го, выдуманного предстали передо мной, и я не знал, куда мне смотреть, что делать, все потеряло какой-либо смысл, все стало настолько нереальным, что мне казалось, будто и сам я вовсе не существую, что я всего лишь сгусток некой энергии, затерявшийся где-то в воздухе, я отделился от собственного тела, я потерял связь со всем, что казалось мне верным, я был совсем один в своем лесу и видел всю его зловещую мрачность, всю невыносимую правду.

Мне хотелось уйти, раствориться, захлебнуться этим тяжелым воздухом, но я не мог сделать ни единого вдоха, воздух будто убегал от меня, пока я задышался, не умираю. Деревья становились то толще и ближе, давили на меня, сжимали в свои тески и не желали отпускать, то отодвигались дальше, оставляя меня на пустой и темной опушке, лишенной хоть какого либо проблеска света. Ветви цепляли меня за ноги, я рвался, а они вновь обвивали меня, тянули назад, отталкивали, не давая пройти, но я рвал, ломал их, упорствуя. Я был на краю отчаяния, Мне хотелось кричать, но что-то сдавливало горло, мне хотелось звать на помощь, но никого не было рядом, мне хотелось отвлечься, но все, что я видел – мой лес, решивший ополчиться против меня, решивший навеки заточить меня в себе,

пронизывать меня острыми ветками и не отпускать. Земля уходила из под моих ног, но возвращалась.

Но я рвался вперед, я бился со своим же лесом, бился и проигрывал, но не желал отступать, пути назад у меня не было, я готов был сбросить с себя свое тело, разорвать свою грудь и скинуть с себя всю плоть, как комбинезон, чтобы никто и ничто не смогло уцепиться за меня, и продолжить идти, но мои руки обвили крепкие ветви и я не мог даже пошевелиться. Это был конец, я думал, что это конец, я не видел пути, ветви тянули меня в разные стороны и, казалось, прямо сейчас разорвут меня на части, я упаду на мягкую холодную землю и исчезну.

Но вдруг я заметил что-то, похожее на дверную щель, откуда сочился белоснежный свет. Я не мог поверить в это, я не мог верить ничему. Меня будто выворачивало наизнанку, но этот свет успокаивал, убаюкивал меня, заставлял затихнуть нарастающий шум листвы, выбрасывал из головы весь бардак и освобождал место только для себя. Я не чувствовал больше, как что-то давит на меня, любые оковы стали совершенно безобидны, я двинулся вперед, настолько легко мне было тогда, что казалось, будто бы я вовсе не касаюсь земли, а парю в пространстве.

Я забыл обо всем: о дыхании, о боли, о тяжести – все это было настолько мелко и незначительно по сравнению с этим белым светом. Я медленно двигался к нему, все отчетливее и отчетливее различая очертания двери. Мне вовсе не показалось странным ее присутствие, я в каком-то роде давно знал, что она будет здесь, ведь этот лес мой, а значит, и все в нем – мое.

Дверь находилась в небольшом углублении, откуда по земле шли небольшие волны. Она была центром, от нее все и идет. За ней, возможно, находится то, что я так долго и упорно искал – ответы. Больше, чем мне нужно, больше, чем вопросов, что я задавал. Я дотронулся до ручки, она не была ни холодной, ни теплой, ее не было вовсе, я лишь представил ее.

Дверь открылась, но свет был настолько ярок, что я не видел ничего, кроме чистого белого пространства. Я тянулся к нему, а оно тянуло меня к себе, поглощало мой разум, очищая его, ставя все на свои места. Я был совсем рядом, я уже ощущал его тепло, как вдруг все резко изменилось. Все потухло. Меня охватило неприятное ощущение, я вдруг снова стал осознавать все происходящее, мир вокруг меня и мое собственное тело, еще живое, но будто бы вот-вот должное умереть.

Я посмотрел вниз и заметил, как огромная толстая ветка пронзила мой живот, как медленно она ускользает обратно, совершив то, что должна была, как неприятно скользит меж ребер, как касается поврежденных тканей, вызывая жуткое ощущение боли, будто бы не моей, а чужой. Я взглянул вверх, но свет пропал, и в двери царил мрак. Все рушилось, деревья падали, ломались, все будто бы горело, я слышал отчаянный рев двух моих спутников, со всех сторон сыпались тлеющие листья, иссохшие ветви падали и рассыпались на сотни щепок, земля дробилась на части и тряслась, будто бы из недр ее вот-вот вырвутся потоки раскаленной лавы, все шумело, кричало, но я уже был далек от всего этого.

Ветка, убившая меня, резко вырвалась из моего полумертвого тела и унеслась куда-то, лишив меня всякой опоры. Я пошатнулся, ноги, которых я не чувствовал, как, собственно, и рук и тела в целом, не держали меня. Я наклонился вперед и медленно начал падать в дверной проем, полный тьмы. Меня обдало ледяным холодком, я будто бы разделялся надвое – тело и сам я, мое сознание, мой разум. Я видел себя со стороны, как безжизненный кусок мяса падает в неизвестность, а я стою на краю и наблюдаю его падение, его смерть, и в то же время мои

глаза видели дверной проем, в котором лес мой умирает вместе со мной, видели черную пустоту, окружающую меня со всех сторон. Проем удалялся, в нем лес умирал вместе со мной.

Мне почему-то захотелось спать, захотелось уйти от всего этого как можно дальше, уйти от моей мучительно долгой смерти и забыть о ней, как о сне. Я закрыл глаза, но ничего не изменилось, и мне даже показалось, что я их вовсе не закрыл, будто нужно закрыть еще раз.

Я засыпал, мысли путались и улетали далеко от меня, я не мог их поймать, потому что падал вниз, когда они стремились вверх. Все исчезало вместе со мной, я все еще падал.

Я не помнил, как очнулся, я просто вдруг осознал, что не сплю, что соленая вода бьет меня по лицу, что в рот и нос забрался песок и что я не могу дышать. Песок был холодным и мокрым, как после дождя, и это было даже приятно. Приятно не так, как обычно, приятно совершенно по-другому, намного легче и необъяснимее.

Я открыл глаза: серое мрачное небо, затянутое тучами, недвижно стояло на месте и в то же время менялось, будто бы внутри него что-то двигалось. Тучи были высоко, но, казалось, протяни руку, и достанешь до них, не вставая на носки.

Я промок, но меня не знобило, несмотря на довольно сильный ветер. Я лежал у берега бескрайнего темного океана, слившегося на горизонте с серым небом. Большие волны мерно разбивались о берег в тщетной попытке убежать из океана на сушу, пытались, ползли как можно выше по темному песку, пока океан не затягивал их обратно. Казалось, он дышал, двигался как одно большое существо. Он тянул и меня к себе, но мне нравилось лежать на берегу, нравилось слушать шум волн и нравилось, как они щекочут мне щеки.

Я лежал, и ничего не менялось, я лежал бы там вечность, отдыхая и ни о чем не думая, просто слушая, чувствуя, ощущая, дыша. Это был такой момент, когда ты ощущаешь не телом, а душой, чем-то большим, чем нервы на твоих руках, больше, чем чувства, вызванные выплеском гормонов. Это ощущение себя самого, принадлежщего чему-то большому, соединившегося с чем-то прекрасным, чем-то великим, могущественным, сильным.

Мои глаза закрывались, океан убаюкивал меня музыкой прибоя, минутное мое пробуждение от смерти подходило к концу и мне казалось, я не увижу этот океан еще хоть раз, не услышу его, не почувствую его, не стану его частью, не

утону в нем с головой. Это был мой последний шанс на жизнь, это последняя предсмертная иллюзия, какой пичкает меня мое сознание, отвлекая от смерти, от конца моего существования, от гибели меня самого, когда тело давно пребывает в вечном сне, в забытии, в котором вскоре окажусь и я.

Мне было хорошо, но я не старался удержать этот момент, не пытался через силу открыть глаза и изо всех сил бороться с тем, чтобы не уснуть. Я подчинился смерти и она стала моей путевой звездой, моим проводником в иной мир, в ничто или во все сразу. Если я видел этот океан, это неестественное небо, значит, это была часть смерти и ничего с этим не поделать, нужно принять это таким, какое оно есть, потому что все так, как должно быть, а вовсе не так, как будет лучше нам. Я мертв, и мне больше нет смысла заявлять о своем мнении и своих правах, ведь даже тело дано было мне в аренду, и пришло время возвращать долг.

Я и не хотел бороться, ведь тогда ушел бы этот момент, хоть и короткий, но столь значимый, столь прекрасный, ценный сам по себе, ценный своей ограниченностью во времени, ускользающим мгновением, отведенным именно для него. Я почувствовал себя ребенком, которому нуж-

но идти домой для дневного сна. Не хватало мне тогда лишь теплого ласкового солнца, проступающего на несколько секунд из-за туч.

Я заснул. Все погрузилось в ставший уже привычным мрак, но я все же очнулся. Я вновь открыл глаза и вновь оказался на том же пляже, только теперь волны подобрались совсем близко и качали мое тело, которое почти не касалось песка. Я в испуге вынырнул из воды, судорожно пытаюсь вдохнуть, но воздуха не было, хотя я вовсе не задыхался. Я приспособился к несуществующему пространству вокруг себя уже через несколько секунд, если здесь было время, конечно.

Небо все еще бурлило, трансформировалось во что-то, съедая само себя и изрыгая переваренные тучи обратно. Океан был спокоен, темные безмятежные воды покоились на бесконечном пространстве, не имеющем конца. На горизонте не было ничего.

Я встал и решил пройтись по песку вдоль берега, надеясь отыскать хоть что-то, что помогло бы мне разгадать эту тайну, эту загадку моего океана. Я смотрел под ноги, наблюдая, как волны одна за другой обвивают мои лодыжки, поднимая песок и вспенивая воду, тут же затопляя образованные мной ямки, смывая с холодного

темного песка мои следы. Странно, что отсутствие воздуха не мешало ощущению свежести, запах океана явно ощущался, соленая вода витала в пространстве вокруг, будто бы я уже был в воде, на самом дне.

Через десять минут прогулки мне стало казаться, что я хожу кругами, чувство де жа вю не покидало меня ни на секунду. Мне захотелось бежать. И я побежал, быстрее, чем мог себе представить. Я бежал вдоль берега, пока не наткнулся на чьи-то следы. Они глубоко вошли в песок, будто бы кто-то с силой отталкивался от земли, волны еще не успели смыть их окончательно, так что я мог с легкостью догнать человека, идущего впереди меня. Я побежал. Шаги становились все отчетливее, я был совсем близко, как вдруг следов стало две пары, причем первая начиналась из ниоткуда, просто появлялась и тянулась вдоль первой, будто бы сопровождая ее.

Я поднял глаза, как вдруг увидел фигуру человека в белой футболке и темно-синих штанах. Он стоял на одном колене, как я сейчас, рисуя что-то на песке. Казалось, он спешил, все его движения были резкими и напряженными, он будто бы боялся упустить что-то важное. Я следил за ним, не решаясь подойти. Он начал выкапывать что-то из песка, как безумный, охваченный на-

вязчивой идеей о том, что ядро земли можно поддержать в руках. Он постоянно оглядывался на океан, проверяя, не исчез ли тот, пока он копался в песке.

Подойдя ближе, я понял, что он рыл песок руками. Чем глубже он рыл, тем тяжелее ему становилось, тем чаще песок с краев осыпался, рушился и засыпал вырытую яму. Докопав до уровня воды, он начал выбрасывать грязные комья песка как можно дальше от ямы, но вдруг песок под ним дрогнул, он резко попытался встать, но этим лишь усугубил свое положение. Он провалился в песок с головой, так что его уже не было видно. Я побежал к нему.

Он тонул. Тонул в песке, хотя вокруг был бескрайний океан. Его лицо показалось мне знакомым. Я должен был спасти его, я ухватился за воротник его футболки обеими руками и тащил его, когда как во всех сторон песок, как волны, сыпался, засыпая его.

– Что ты делаешь? – кричал он мне – Беги! Здесь можно рыться вечно. Беги!

Он толкнул меня. Я упал на спину, на мгновение сконфуженный происходящим, а когда очнулся и встал, его макушка навсегда ушла в песок. Только сейчас я вдруг осознал всю странность этого события. Кто это был?

Неожиданно сбоку замельтешило что-то белое. Я обернулся и увидел еще одного человека, идущего по моим следам. Это был мой знакомый, я знал его когда-то давно, но мы не общались долгое время. За ним шло еще несколько человек, некоторые так же были мне знакомы, но большинство я не знал. Они как будто выросли из песка. Все как один остановились и уставились на меня. Они не узнавали меня, я их.

Это было жутковато, мне захотелось уйти, и я медленно пошел в противоположную от берега сторону. Но стоило мне подняться на холм, как передо мной возникли тысячи лиц, которых я, как мне казалось, никогда не видел. Я помнил некоторых, некоторые были мне дороги и мне хотелось подойти к ним и расспросить обо всем.

Все они смотрели на меня пустыми глазами на ничего не выражавших лицах, как зомби, не отводя взгляд. Я развернулся, желая уйти, но они окружили меня. Я медленно пошел между ними, заглядывая в каждое лицо, понимая, что видел его где-то, но не мог припомнить, где.

Взглянув на очередное лицо пожилого мужчины, я вдруг попал в приемную кабинку банка, где получал перевод, а мужчина этот, протягивая мне бумагу, указал три места, где я должен был оставить свою подпись.

Я отпрянул, снова очутившись у берега. Другое лицо перенесло меня в детство, в дом, где я вырос, и, играя на улице, я узнал в безжизненном лице моего соседа, что был всегда добр ко мне. Еще одно лицо было из какой-то придорожной кафешке, куда я заглянул месяц назад. Официантка показалась мне симпатичной и милой, так что я запомнил ее, и вот она здесь. Теперь я иду по оживленной городской улице и вижу приятные лица нескольких человек, которые теперь здесь, среди толпы.

Стюардесса, таксист, библиотекарь, продавец – я видел все эти лиц когда-то. Неужели это моя память? Я судорожно начал искать в гряде лиц одно единственно важное для меня, но нигде не находил. Мне хотелось еще раз взглянуть на него, еще раз прикоснуться к нему, я стал подпрыгивать, метаться из стороны в сторону, кричать, звать его, отталкивая ненужных знакомых, которые вдруг вздумали хвататься за меня, цеплять меня руками, как ветви в лесу.

Мне снова приходилось вырываться, биться с ними, но они с напором обрушивались на меня, будто бы желая остановить. Я не мог уйти, не затронув самого важного для меня воспоминания, я не хотел помнить ничего другого, я хотел остаться в том, дорогом мне месте. Я не хотел

уходить, я должен был вспомнить лицо, глаза, волосы, улыбку, но не мог. Эти гадкие воспоминания наваливались на меня снова и снова, я слабел под их напором, их гнетом.

“Здесь можно рыться вечно” – вспомнил я слова утонувшего в песке. Ведь все эти лица – песчинки, в которых так легко увязнуть. Они цепляются за меня, тянут вниз, каждый в свое воспоминание, делят меня на миллионы маленьких частиц. А ведь любая песчинка когда-то была камнем. И вот что от него осталось – жалкая, ничтожно мелкая пылинка.

Все эти люди – не те, кого я знал. Я знал камни, но время стерло их в песок. Я вырвался из их рук, несясь вперед, расталкивая всех, кто смел встать у меня на пути, и со всех ног врезался в воду, будто бы что-то с силой ударило по ногам.

Я упал, и на секунду все стало тихо. Я погружался в мягкое пространство океана, он качал меня, как мать качает на руках дитя. Нужно было плыть. Я перевернулся в воде, нащупал песок и хотел было встать в полный рост, как вдруг чьи-то руки схватили меня за ноги и начали тянуть вниз. Весь песок был пропитан воспоминаниями. Я руками вцепился в сжатые на моих ногах кулаки и пытался разжать их, но не получалось. Я бил их, но они крепко держали меня. Сила здесь

ничего не решала, я должен был отпустить все это, я должен был отказаться от памяти, потому что мир, в котором я жил, только мешает понять себя.

Теперь я живу здесь и должен действовать по здешним правилам. Неужели мне нужно снова умереть, чтобы продолжить путь? Я вдруг почувствовал, что устал бороться, устал дергаться, рваться, бежать. Я был в безопасности здесь, ничто не могло убить меня, здесь все подвластно мне, я управляю всем, что вижу, слышу и ощущаю, я создаю эти миры, все это – я, все это – мое сознание, и если мне нужно освободиться, нужно лишь захотеть этого, если нужно перестать чувствовать запахи, прикосновения, боль – нужно всего лишь захотеть, всего лишь использовать свою власть над собой. Нужно работать в самом себе, нужно быть главой самого себя и не позволять обстоятельствам брать верх.

Я снова ощутил безумную легкость, меня просто выталкивало на поверхность, меня больше ничего не держало, я был абсолютно свободен. Я вынырнул. Смахнув с лица капли воды, я оглянулся и увидел небольшой по размерам остров, где теснилось несколько тысяч людей, может больше. Все они махали мне рукам, прощаясь, и пели. Их голоса сливались в один единый звук,

пробирали насквозь, пронзали все пространство. Это было чудесно.

Я медленно уплывал от них, но их голоса были слышны всюду, будто бы эхо плыло вместе со мной, будто бы я двигался вместе со звуком. Становилось темно, и на острове зажглись тысячи голубых фонарей. Все они плавно двигались, все как один организм, похожий на медузу. Она неспешно плыла по небу, ее шапочка медленно и грациозно расширялась и сужалась, плывя в безвоздушном пространстве. Она выглядывала из-за туч то там, то тут, она растворялась в ночной тьме, угасая с каждой секундой. Но песнь ее все еще гудела где-то в вышине.

Это было нечто большее, чем сама песня, музыка, мотив, слова. Это была песня души, которую нужно ощущать, а не слышать.

Я плыл, не чувствуя усталости, и, кажется, проплыл достаточно много. Казалось, острова уже не увидеть, но на самом деле, будь сейчас светло, он был бы не так уж и далеко. Я плыл, не зная, куда плыть, с исчезновением медузы я потерял последний ориентир. Везде было одинаково темно, мне даже казалось возможным, что я и вовсе плыву обратно к острову. В жизни всегда так: тебе дают толчок, а дальше – полное равнодушие.

Я плыл в полной тишине, рассекая воду то правой, то левой рукой, пока вдруг не услышал в моих равномерных всплесках посторонние звуки, будто бы что-то еще плыло вместе со мной, и не с одной стороны.

Я остановился и с минуту держался на воде. Было все так же тихо. Я продолжил плыть, но снова услышал посторонние всплески. Я вспомнил лес и сопровождавших меня громил, и мне показалось, что этот момент настал снова. Снова с обеих сторон от меня движутся мои стражи, огромные, неведанные мне прежде, но все же мои.

Я больше не боюсь их, это какая-то часть меня, неизвестная мне самому. Я плыл и искоса поглядывал на них, на их огромные чешуйчатые спины, выступающие из воды, на их хвосты, вздымающиеся вверх и бьющиеся о воду с огромной силой и мощью, я любовался их грации, присущей всем морским существам, а главное — их размерами. Они были больше, чем я, больше, чем звери в моем лесу, больше, чем остров, на котором я был недавно. Они могли быть кем угодно, чем угодно и каким угодно. Они могли быть даже больше океана, ведь я видел лишь малую их часть и мог лишь догадываться, что скрыто под водой.

Они сопровождали меня всю ночь, всю ночь я без устали плыл неизвестно куда, неизвестно под каким ориентиром. Солнце зашло над тучами, было пасмурное и серое утро, волн не было, потому что не было ветра, но прохлада ощущалась. Мои спутники исчезли так же незаметно, как и появились, я плыл один, опустив голову в воду и наблюдая за пустым и темным водным пространством подо мной. Там ничего не было, ни единой живой души. Это огромное пустое пространство внутри меня – зачем оно здесь? Почему его так много? Чем заполнить его?

Моя рука вдруг коснулась земли, я поднял голову и передо мной оказался еще один остров. Крохотный островок с одной лишь греческой колонной, заросшей зелеными кустами, лианами и мхом. Его можно было обойти за несколько секунд: с пляжа шло возвышение к колонне, за ней дерево, а за ним – обрыв. Больше ничего. Он был как оазис в пустыне.

Куда плыть дальше я не знал, поэтому решил остаться на этом крохотном островке. Я сел у берега и смотрел вдаль, ни о чем не думая, слушая лишь шум волн и представляя крики чаек, теплоту припекающего солнца и, может быть, легкий свежий ветерок, дующий с океана. Мне не хотелось лезть в воду, но я будто бы затерял-

ся в своем же собственном океане, я не знал, что делать дальше, куда и зачем держать путь. Я зашел слишком далеко, чтобы вернуться или отступить, но я все еще далек от цели, от разгадки, от истины.

Вдруг очередной волной к моей руке принесло что-то холодное, металлическое. Это оказался ключ, старый, почерневший, но не ржавый, со странным узором, похожим на дерево. Я встал и, оглядев островок, все понял. Где-то там, на верху, должна была быть замочная скважина, но ее не было видно. Я принялся искать ее на ощуп, водя пальцами по стволу дерева.

Наконец, щель была найдена. Я вставил ключ, два раза провертел его на 360 градусов, и дверь чуточку приоткрылась. За ней был длинный коридор с множеством дверей по обе стороны. Конца не было видно. Двери были разных цветов, некоторые деревянные, некоторые железные, новые и старые, только что выкрашенные или уже выцветшие, с облупившейся краской.

Я неуверенно ступил вперед, а когда оглянулся, двери уже не было, был тот же коридор с еще более разнообразными дверьми. Между ними, почти у потолка, висели лампы с больно бьющим по глазам ярким желтым светом. Я шел по коридору, не решаясь заглянуть ни в одну

дверь, тихо ступая босыми ногами по красному ковру, взятому из какой-то богатой гостиницы.

Вдруг я наступил на что-то мокрое. Из под одной двери текла вода, однако шума не было слышно. Я дотронулся до ручки, как вдруг из другой двери на противоположной стороне, находящейся через две от той, где стоял я, в той части коридора, какую я уже прошел, раздался шум. Я остановился, не двигаясь, не поворачивая головы, стараясь уловить краем глаза, что могло послужить ему причиной.

Меня обдало холодным потом: темная фигура смотрела на меня в упор, стоя в чуть приоткрытом дверном проеме, не двигаясь. Я видел его светящиеся глаза, две круглые белые точки где-то на лбу. Фигура не была похожа на человеческую, а скорее на нарисованную черным карандашом детскую страшилку.

Мы стояли так, не двигаясь, несколько минут, которые казались мне вечностью. Он пугал меня, а я не знал. Это было что-то мое, что-то, что пугало во мне меня самого, но я даже не знал, что это. Я непроизвольно дернулся, шея затекла и не могла больше держать голову. Это спугнуло моего наблюдателя и он исчез, хлопнув дверью.

Я выпрямился и с минуту не знал, что делать дальше. Мне хотелось заглянуть в ту комнату,

куда он сбежал, она пугала и завораживала. Но тут неожиданно все остальные комнаты одна за другой стали греметь, кричать, испускать дым из под дверей, которые ломились от переполнявшего комнаты содержимого.

Дверь, у которой стоял я, тряслась, трещала, из щелей меж дверью и косяком сочилась вода. Казалось, она вот-вот вылетит, как пробка из шампанского. Все пришло в движение, все сходило с ума. Раздался грохот, и я увидел, как из дальней двери в глубине коридора высовывается огромная лапа чудовища. Она искала что-то на ощуп, пытаясь схватить и затянуть в комнату, дверь от которой превратилась в щепки.

Кто-то начал бешено стучать по своей двери, будто на него надвигалось что-то ужасное. Из других дверей слышались крики, человеческие или нет – я не мог разобрать. Сыпались перья, валил дым, из одной двери сочились облака. И тут все подпрыгнуло, затряслось, оглушающий грохот пронесся по всему коридору, я свалился на мокрый пол. В дверь с другой стороны на полной скорости врезался дирижабль, выбил ее вместе с кусками стены, и медленно начал падать вниз.

Поднялась пыль, я почти ничего не видел, но пытался подняться. Размахивая руками, очищая

пространство от серой пелены и вглядываясь вглубь коридор, я с ужасом заметил, как на меня бежит огромный, еле помещающийся в коридоре, мускулистый носорог. Я побежал. Я слышал, как поток воды выбил дверь и теперь разливался в обе стороны, догоняя и обгоняя меня, я слышал, как со всех сторон рушились стены, что-то громыхало, взрывалось.

Двери с бешеной скоростью вылетали, как только я пробегал мимо, ударяясь друг о друга и разлетаясь в щепки. Я снова ощутил, как с обеих сторон от меня движется что-то огромное, пробивая стены, бежит сквозь комнаты вместе со мной, разрушая все на своем пути. Все рушилось за спиной, все превращалось в груды камней и дерева, помятое железо. Все исчезало.

Стены рушились, обнажая огромное, пустое и темное пространство за ними, где и были собраны все комнаты. Я бежал мимо сотни новых дверей, как вдруг огромная трещина прошла поперек моего пути, и весь коридор медленно начал падать, переламываться, перемалываться, крошиться на сотни мельчайших частиц, плавающих в пространстве, кружить, как в мясорубке.

Я остановился, пока стены и потолок вокруг меня падали и медленно парили в черной бесконечной невесомости. Остался только я и до-

рога, которой я пришел – все остальное кануло в бесконечность, в темную материю, не имеющую в себе ничего, но в то же время являющей собой абсолютно все.

Я добрался до места, я был в пункте назначения, я стоял над пропастью, куда мне следует упасть, в безграничную пустоту, в мир без жалких и ограниченных мыслей, в мир без слов, соединенных в предложения. Не в мой мир, не в чужой – во все миры сразу, во все возможные их вариации, во все, что могло быть, во все, что могло случиться, во все, что не случилось. В абсолютное все, живущее в каждом из нас, но ограниченное жизнью, восприятием, представлениями, нелепыми понятиями, названиями и прочей несущественной человеческой чепухой.

Все мои мыли, все мои знания, все мои страхи, чувства, воспоминания – все это затерялось в безграничной, неподдающейся описанию пустоте, все это так ничтожно мало по сравнению с ней, все это так ограничено.

Я сидел у обрыва, не решаясь сделать шаг. Я боялся, меня пугала ее безграничность, я не мог постичь всех ее истинных размеров, потому что их у нее не было, ее нельзя было свести к чему-то одному, как это делают люди, она была всем. Отдаться ей – значило навсегда забыть о

мире, в котором я живу, умереть для него, потерять с ним последнюю связь. Значило перестать мыслить, перестать быть собой, слиться со всем сущим, стать всем, а точнее, перестать существовать.

Я не мог решиться. Что-то держало меня у самого края, меня завораживала эта пустота, это ощущение близости чего-то поистине огромного. Меня держала радость наблюдения, которая исчезнет, как только я стану частью чего-то.

УБИЙЦА

Да и нет. Противоположности. Совсем как огонь и лед. Почти как запредельное счастье и удушающая печаль. Суицидальная грусть. Убийственная тоска.

Да и нет. Разрешение, продолжение, согласие. И категоричный отказ. Крест. Конец. Два коротких слова, дающие надежду. Или нет.

Когда двери распахнулись, он был счастлив. Когда они захлопнулись за его спиной, он не знал. Еще минута – и он раздавлен. Всего лишь минута. От «Да» к «Нет». От жизни к пустоте, неизвестности, смерти. От счастья к неисправимому горю.

Он ждет. Он не знает. Его пальцы барабают по стеклянному столику, а губы не останавливаются, шепчут, ерзают по лицу, не находя себе места. Его черный свитер сжимает горло, а ноги трясутся. Время смеется над ним, а он молит его поторопиться.

Перед ним двери. Справа коридор. Сверху потолок, снизу пол. Все на своих местах, кроме него. Кожаное кресло сжимается под его руками, скрипит. Часы на стене и на его руке – он сравнивает время. Стрелка одних опережает другую. Кто из них врет он уже не узнает. Очки съезжают с носа, трясущиеся руки возвращают их на место. И сердце. Бьется.

Шум. За дверьми, куда его не пускают. Он взбешен. Он должен быть там. Он ничтожен. Он беспомощен. Потому он взбешен. Зубы крепко стиснуты.

Шум. И тишина. Совершенно разные явления, однако одно происходит в другом. Как различить шум в шуме? Как услышать тишину в тишине? Как может одно родиться в одном, а другое – в другом?

Однако, может.

Рождение и смерть. Различные понятия о времени, о промежутке. Состояние жизни. И состояние смерти. Различные состояния понятия – человек.

Ожидание. Ожидание жизни вовсе не ожидание смерти. Однако, одно рождается в одном.

Время. Состояние. Смерть. Жизнь. Процесс? Или миг? Процесс протекания мига. Миг, когда процесс, как и прогресс, ничего не значат

– смерть. Миг, предшествующий смерти – процесс прогресса, ожидания, регресса.

Двери. Два круга стекол, за которыми видны лампы и свет. Линия, ручки, сила. Все может быть открыто. Все можно объяснить. Нет препятствий. Тем не менее, он в кресле. Кресло давит на него.

Тишина. Двери. Процесс. Процесс рождения одного в другом. Одного из другого. Процесс жизни никак не процесс смерти.

Шум. Процесс рождения звука из тишины. Обособление. Нет звука без тишины. Нет смерти без жизни.

Шум. Шум в шуме. Отчетливое различие звуков – процесс осознания беспомощности. Обособленности.

Шум. Двери. Тишина. Белые халаты. Красный. Жутко красный цвет. Миг. Глаза. Маски. Рождение звука. Неведение. Догадка. Страх.

Слова. Процесс общения. Результат прогресса. Процесс разговора.

Счастье. Парадоксальное счастье. Независимое счастье. Радость. Жгучее чувство. Кривая. Морщины. Улыбка.

Когда двери распахнулись, он вскочил. Врачи сказали, ребенок в порядке. На них были халаты, а на халатах – кровь.

Это нормально, подумал он. Глаза прищурены, руки, дрожа, закрывают лицо, расплывшееся в неприлично счастливой улыбке. Рождение одного из другого. Процесс воспитания одного из другого. Процесс создания одного из другого. Процесс счастья.

Они повели его через двери. Тишина, вырывающийся шум шагов, шелест халатов. Маски, глаза. Океаны печали.

Крик. Первый крик. Не его крик. На руках крохотное создание. Новая жизнь, новый процесс. Процесс любви. Не на его руках. За круглым стеклом.

– Вам не туда – голос. Процесс общения. Не знание. Страх. Счастье. Парадоксальное счастье.

Двери. Стеклянные круги света. Он не знает. Он еще не знает. Он счастлив.

Глаза. Хмурые брови за маской. Печаль. Существование печали и счастья. Рождение одного из другого. Он не знает.

Зрение. Зрение как инструмент познания мира. Взгляд – процесс рождения одного из другого. Процесс рождения слов без шума. Процесс рождения тишины из шума.

Он не знает. Он счастлив, но ему страшно. Ведь процесс не завершен. Он не видел ее. Он

не видел рождения одного из другого. Он не видел ни одного, ни другого. Лишь слышал.

Слова. Пустые, шумящие, жуткие слова. Крик. Процесс передачи боли в тишину. Его крик.

Рождение и смерть. Два совершенно различных понятия, фактора, завершенных процесса. Как магниты, им следовало бы оттолкнуться друг от друга. Однако, одно рождается из другого.

Теперь он видит ее. Его взгляд неподвижен. Он видит ее в последний раз. Размеренное теплое дыхание вторгается в холодный воздух. Смешивается. Процесс отдачи тепла. Отдачи тепла холодному телу. Его тепла. Последнего тепла.

Огонь и вода. Противоположности. Вода и печаль. Неотделимые друг от друга явления. Вода на его щеке. И это вовсе не дождь. Это процесс. Процесс разрыва сердца надвое.

Процесс похорон. Процесс облегчения страданий. Процесс отдачи последнего тепла. Процесс прощания.

Он не может сказать ни слова. Тишина больше не рождает звука. Одно больше не родит другое. Процесс, начатый столько лет назад, завершен досрочно.

Да и нет. Нет.

Так ли все должно было быть? И влияет ли «Да» на «Нет». Если да, то сколько «Да» необходимо, чтобы побороть одно «Нет»?

Крохотное существо на руках. На его руках. Его существо. Крохотная жизнь. Начатый процесс. И процесс завершённый.

Жертва. И убийца. Противоположные понятия на одних похоронах. Убийца на руках. На его руках. Убийца его жены. Ее убийца.

Крики. Не его крики. Плачь. Процесс вызволения внутренних чувств, облачения их в материальную оболочку – слезы. Боль. Боль не как признак неполадки. Боль как признак уничтожения.

Гнев как признак беспомощности.

Ненависть. Процесс неприятия того, что тебе дорого. Удушливое желание. Желание родить крик из тишины. Неприятие. Процесс отрицания того, что случилось. Жизнь. Процесс продолжения того, что потеряло смысл.

Крик. Крик крохотного существа в кроватке. Процесс обращения внимания. Крик в кроватке, купленной на прошлой неделе человеком, которого больше нет. Причина. Крик причины того, что этого человека нет.

Утешения. Процесс создания пустоты из тишины, процесс создания шума.

Дни. Процесс отстранения от окружающего мира. Мысли. И пустота. Противоположные явления, рождающиеся друг из друга и рожающие друг друга. Рождающие убийц. Твоих убийц.

Любовь. Любовь как процесс совместного сожительства, взаимовыгодного сосуществования, взаимной отдачи тепла. Любовь к тому, чего нет. Процесс осознания. Процесс отдачи тепла в пустоту.

Крик. Крик не прекращается. Крохотное создание в кроватке, которому нужно внимание. Убийца, желающий любви. Желающий прощения.

Прощение. Процесс преодоления невозможного.

Четыре магнита. Глаза. Его глаза. И глаза крохотного создания. Нет. И да. Отдаление. И притяжение. Он не мог. Не мог смотреть в глаза крохотному созданию. Смотреть в глаза убийце. Когда как эти глаза впивались в него, как иглы.

Боль. Нескончаемая боль. Неисчерпаемые ресурсы боли. Ненависть. И любовь. Процесс неприятия того, что ты любишь. Процесс любви того, чего ты не можешь принять.

Квартира. Пустая квартира. Пустая кровать. Двухместная кровать для одного. Шкаф. Шкаф, забитый вещами, которые никогда не наденут.

Зубная щетка, которой не воспользуются. Любовь, которую никогда не почувствуют. Его любовь.

Зеркало. Процесс узнавания себя по утрам. Процесс узнавания себя. Мешки под глазами. Глаза под бровями, что застыли. Глаза – океаны печали. Пустой свет.

Защелка. Кран. Вода.

Он в ванной. Сидя на краю, обхватив голову руками. Процесс осознания. Бесповоротность. Безвыходность. Боль.

Шум воды заглушает мысли. Мысли заглушают все. Два полотенца. Посуда на кухне. Тапочки. Два билета в театр. Столик на двоих. Планы. Мечты. На двоих. Поделенные пополам.

Вещи. Ненужные вещи. Бессмысленные. Хранящие память, которая ранит.

Квартира. Тишина. Одиночество.

Крики ребенка. Крохотного создания. Все, что осталось от одного. Все, что осталось от нее.

Он помнит ее. Помнит ее черты, черты ее характера, ее привычки. Он знает ее. Знает то, чего больше нет.

Ненависть. Неприятие. Страх. Боль. Разочарование. Мысли. Вода из крана, ванная. Зеркало. Лицо, поделенное пополам.

Он встал, рывком выключив воду.

Решение. Жуткое решение. Распахнутая дверь, шаги. Процесс достижения цели. Крохотное создание кричит в чужой кровати. Он хватает ее обеими руками и судорожно трясет. Он кричит. Это его крик.

Надежды. Мечты. Планы. Все перечеркнуто, наряжено и зарыто в землю. Все, что есть – крохотное существо не в своей кровати, в чужой кровати, купленной неделю назад человеком, которого нет.

Крики. Крики двух крохотных существ, не знающих, как жить.

И взгляд. Он взглянул на крохотное существо. На слезы, текущие по крохотным щечкам. Крохотный сморщенный носик, ручки, зажатые в кулачки. Глаза. Часть организма, отвечающая за душу.

Крохотное существо. Крохотное существо не в своей кровати. Крохотное существо не со своими глазами.

С ее глазами. С ее крохотным носиком. С ее чертами.

Крохотное создание, рожденное ею.

Крохотное создание, которое она никогда не увидит, и которое никогда не увидит ее. Крохотное создание, которое она так хотела бы любить, но не может.

Крохотное создание – все, что от нее осталось. Все, что она хотела оставить после себя. Все, что она хотела бы любить.

Слезы. Слезы не как фактор жуткой опустошенности. Слезы как фактор нового начала. Процесса. Процесса любви того, что ты не можешь принять.

ПУСТЫНЯ

В пустыне не так много воды, скажу я вам. Этого не поймешь по-настоящему, пока не пробудешь в ней хотя бы восемь часов без единой капли во рту. Все это при том, что нужно идти, не останавливаясь, перекачиваться с дюны на дюну, в надежде отыскать если не город, то хоть колодец или, в крайнем случае, караван.

К счастью, уже как час я вижу перед собой неясные очертания чего-то большого, напоминающего целый город серых и однотипных высоток. Понимаю, что в пустыне высотки – еще большая редкость, чем вода, но все же я уверен, что это не мираж.

Странно то, что сколько бы я ни шел, они не прекращают расти, но все же остаются вдалеке. Неужели они такие огромные?

Похоже, так оно и есть. Через час они выросли до моих размеров, еще через два уже превышали в размерах небольшой дом, через

следующие два они казались мне бесконечно высокими, притом, что путь до них достаточно долгий.

Сейчас уже было ясно, что это вовсе не городские высотки, а прост-напросто огромные бетонные колонны без окон и вообще чего-либо – голые серые цилиндры, растущие из земли, как тростник, вот и все. С моим приближением нарастал и какой-то шум, басистый, протяжный гул. Когда я подошел совсем близко и мог коснуться холодной поверхности колонн и почувствовать их легкую вибрацию, я отлично различал этот звук.

Это были барабанные удары, спокойные, размеренные, глухие. Они эхом отскакивали от колонн и разносились по всей этой территории. Возможно, когда-то давно здесь и правда стучали барабаны, но они ушли, а эхо от них все еще бродит здесь, как в клетке, не в силах освободиться. Может, эти колонны и есть тюрьма для звука: куда бы он не направился, в какую бы сторону не отскочил – везде он встречается на пути эту мощную конструкцию и снова вынужден оттолкнуться от нее, чтобы врезаться в другую.

Воды здесь не было, только песок и бетон. Мне нужно идти дальше, долго я не протяну. Огромные тени падали на землю, в них было хо-

лодно, а на свету жарко. Я старался чередовать эти явления, чтобы не сгореть и не замерзнуть. Глупо будет замерзнуть в пустыне.

Я шел долго и утомительно, но, наконец, выбрался из леса бетонных колонн. Вдалеке виднелись скалы, острые, как копья, направленные прямо на меня. Терять нечего, а это хорошо – можно упасть и умереть прямо сейчас, и никто тебя не осудит, никто не посмотрит на тебя с упреком, да и грустить по мне некому. Но все таки я иду, надежда есть, пока ноги идут а разум не затуманен.

Я никогда не видел миражей, мне всегда было интересно увидеть их, узнать, что это, поэтому я и здесь, но, как на зло, мне не представилось увидеть ни одного из них.

Шум колонн постепенно угасает и я остаюсь в тишине. Скалы передо мной медленно возвышаются, иногда даже чудится, что они перестраиваются, но это проходит и я вижу их ясно: длинные, заостренные на концах, будто бы обглоданные, похожие на когти гигантского неизвестного существа, обращенного в камень каким-нибудь богом или чудовищем, как в старинных мифах.

Это завораживает и радует, как будто ты сам часть какого-то мифа, повести о храбром воине,

встретившем и пробудившем древнее зло. Но это всего лишь скалы, и я совсем близко. В них шума нет, почти идеальная тишина, песок бледный, солнца не видно, и я дрожу от холода.

И здесь нет воды. Да и с чего бы ей быть здесь, это же чертовы скалы в пустыне. Животных тоже нет, ни единой ящерицы, ни одного скорпиона – никого, кроме меня и красных камней. Но если я дошел до этого места, значит, смогу пойти и дальше, главное – не останавливаться, иначе забуду, зачем иду.

У меня вдруг подкосилась нога, я упал на одно колено, прямо на острый камень, торчащий из песка. Рана глубокая, серьезная, но крови не много, от обезвоживания она густая и темная. Боль пульсирующая, но тоже приглушенная, не такая яркая и многогранная, как обычно, а тупая и односторонняя.

Встаю, нога дрожит, но идти можно. Тащу ее за собой, ковыляю, оставляя на песке тонкий кровавый след темной жидкости. Сил уходит намного больше, я быстро устаю, но иду. Останавливаться нельзя, нужно идти. Остановишься – и идти дальше не захочется.

Скоро я вышел из тени скал, и вновь передо мной открылась бескрайняя пустыня. Песчаные холмы, как неподвижные волны, отражали свет

солнца, которое и не думало заходить, оставаясь в зените прямо надо мной. Впереди не было видно ничего, даже миража (если бы) – только золотой песок.

Идти уже не было сил, под солнцем ногу жгло и пекло, боль усиливалась, будто что-то острое застряло в ране и теперь шевелится там. Мне хочется кричать о помощи, потому что сам я, боюсь, не смогу, не справлюсь, но никого нет, меня никто не услышит, да и кричать я не могу, в горле пересохло, кажется, что и сам я медленно стираюсь в песок и скоро меня развеет ветром.

Но я еще жив, правда, перед глазами то и дело мелькают белые точки, собираются в кучу и снова разлетаются, ослепляют меня, и я не вижу, куда идти, а потом кружат передо мной, и я не могу понять, существуют ли они на самом деле или же это все от недостатка воды.

Я падаю, распугиваю белые точки и оказываюсь лицом в песке. Дальше идти я не могу. Это конец, и я его все же приму. Подняв уставшие замутнившиеся глаза я вдруг замечаю прямо перед собой железную трубу, торчащую из земли.

Собрав последние силы я встаю и пытаюсь выдернуть ее. Она слегка шевелится, но не поддается – видимо, что-то большое, под песком, держит ее. Я пытаюсь снова, но снова терплю

поражение. Еще один рывок, и она вырывается, я держу ее в руках, не зная, зачем она мне и что с ней делать. Эта маленькая победа, забравшая так много сил, даже не дала ощущения победы, я все еще здесь, и мне все еще нужна вода.

Но тут до меня донесся еле различимый хруст, похожий на хруст стекла. Я смотрю вниз: песок подо мной уходит в тонкую глубокую ямку, как вода. Треск усиливается, и вдруг я чувствую, что земля подо мной больше не держит меня, что подо мной нет более никакой опоры, и я проваливаюсь вниз.

Первые секунды я не осознаю, что произошло. Но глаза привыкают к темноте и могут разглядеть темное помещение. По форме оно похоже на полусферу: стеклянный купол, засыпанный песком, накрыл круглое пространство. В центре расположилась небольшая возвышенность, квадратная плита – на нее я и рухну, прижав ее своим весом.

Было темно, до жуткого холодно. И вдруг я услышал журчание воды. Я огляделся и увидел, что со всех сторон прибывает темная жидкость, а я, стоя на сцене, оказываюсь над ней, как на острове. Я кинулся на пол и судорожно, дрожащими руками начинаю отхлебывать живительную влагу.

Неужели это вода? Как такое возможно? Мираж? Я не мог поверить своим глазам, не мог верить своим ощущениям, но это действительно была вода! Наконец-то!

Никогда она не казалась мне такой желанной, такой важной и приятной для нутра. Я, наконец, напился, взбодрился, но все таки слишком устал.

Я лег на постамент немного отдышаться от непрерывного питья. Вода все еще журчит, не переставая прибывать, и уже тонким слоем покоится на моем, как мне казалось, защищенном острове. Мне пришлось подняться на ноги.

Она не перестает прибывать и тогда, когда достигает моих лодыжек, и колен, и даже когда я оказываюсь по пояс в воде, уровень ее становится все выше и выше. Меня охватывает паника, ведь плавать я не умею, а до потолка добрых пять метров.

Меня бьет озноб, вода ледяная, все конечно-сти окоченели и задубели, челюсти судорожно стучат. Время кажется мне вечностью, и когда вода подходит к моему подбородку, я чувствую себя стариком на смертном одре.

Я все еще надеюсь, что она остановится, а затем медленно сойдет на нет. Но и тогда я не смогу выбраться отсюда, ведь до выхода слишком высоко, а другого пути нет.

В голове я продумываю, как доплыву до потолка, когда вода достигнет вершины купола, и спокойно вылезу наружу.

Но вот уже при каждом вздохе и выдохе вода пузырится у моего рта, а затем и носа. Я отрываюсь от земли, пытаюсь плыть вверх, но тело перестает слушать меня, коченеет и тяжелеет. Я дергаюсь, хватаюсь за воду, но не могу удержаться.

Полностью погружаюсь в ледяную воду. Легкие горят, я уже не могу не дышать, и из меня вырывается рой пузырьков и хриплый крик, вода проникает в меня, с жжением разливается в легких и желудке.

Размахиваю руками, хватаюсь за ноги, что окоченели, пытаюсь, но все тщетно. Я медленно иду ко дну, из открытого рта выбегают последние крохотные пузырьки.

ПУТЬ, КОТОРЫМ МЫ ИДЕМ

После смерти динозавров остались только мы – я и мой несмышленный друг. Две ящерицы на всю землю. Нам было весело, мы ели гусениц, стрекоз, жуков, других гусениц, и все было вроде бы хорошо. Жизнь в самом ее начале была беззаботной и тихой, все только привыкало жить, училось выживать, расцветало во всей своей красе, нетронутое ничем и никем, такое, каким оно было изначально.

Но потом что-то прогремело на всю землю, я видел огромный столб вздымающей вверх породы, видел, как каменные тучи заволокли небо, пока мой друг шлепал себя языком по морде и издавал невнятные мычания. Я видел голод, видел отчаяние и смерть, все погибало, растения вяли одно за другим, вода иссыхала, огромные туши валялись на землю и их раздирали на части другие туши, которые вскоре тоже заняли свое место в ряду ископаемых. Все медленно погибало, иссыхало, рассыпалось.

Так было повсюду, вся земля оказалась в пыли и грязи, покрылась падалью и падальщиками, провоняла мертвечиной. Повсюду, куда бы мы ни пошли, одно и то же: засуха, голод, смерть и жизнь после смерти, поедание самого себя.

Но то были темные времена, и, к счастью для нас, они миновали. Я и мой друг выжили, единственные на всей планете. Нужно было двигаться дальше, искать пищу, новые способы ее добычания, новые способы выжить.

Вскоре жизнь на планете начала возрождаться, зелень вновь заселяла леса, засыпанные пеплом, в воздухе снова зажужжали огромные стрекозы, расползлись жуки и тараканы, появились невиданные ранее пчелы, разносящие жизнь по всей земле. Вода вновь потекла по руслам иссохших рек, все возвращалось на круги своя, и у нас появилась надежда на лучшую жизнь.

Время понеслось быстрее, росли леса, рос мир, и нам нужно было расти вместе с ним. Мне порядком надоело ползать на брюхе, хотя мой друг говорил, что любит это, потому что ему казалось, будто бы кто-то чешет ему живот. Он всегда был таким, не берите в голову.

Постепенно я сумел отрастить себе длинные крепкие лапы, плотную кожу и упругие мышцы,

мощный клюв, да и вообще значительно подрос. Мой друг последовал моему примеру чуть позже, получилось у него не совсем так хорошо, как у меня, но все же в этом мире ему было совсем не туго, он мог иметь все, что ему было нужно, а большего он не желал.

Но я – я не мог останавливаться, я видел, как стремительно растет мир вокруг нас, я замечал мелкие детали, говорящие о многом, и это пугало меня, я был так мал, так беззащитен перед ним, что не двигаться дальше было для меня вообще не приемлемым. Мой друг не замечал этого, он всегда замечал слишком мало, точнее, мало того, что его не касалось. Но все же я уговорил его встать на ноги.

Мне это удалось достаточно легко, но у него никак не получалось. Он мог пройти несколько шагов, но не больше, да и внешне он несколько не изменился, хотя я уже уверенно стоял на ногах и даже нашел себе толстую и крепкую палку, которой добывал нам еду.

Тем не менее, становилось все труднее: мир опережал меня, а я все не мог догнать его, как бы не гнался за ним. В большей степени меня тормозил мой друг, который вообще не хотел ничего делать. Он так и остался ящерицей, хоть и больших размеров, его пузо снова болталось как

мешок, на ноги он больше не вставал, и это было нелегко для меня. Он был моим другом с самого начала, мы начали этот путь вместе, и должны были закончить его вместе, но как я могу бежать за миром, если он камнем лежит на моей спине и тянет меня вниз? Как я могу идти дальше, если в руках у меня всего одна палка?

И тогда я придумал одну вещь – мою самую первую гордость. Я сделал палку с камнем, который привязал к ней лианами. Этой палкой я легко разбивал кокосы или орехи, с ней я мог защищаться от других животных, которые уже превзошли меня в размерах и силе.

Но тут произошла очень подлая и низкая вещь, которой я никак не ожидал: волосы постепенно начали выпадать, пока я не остался совершенно лыс. Мой друг часто смеялся надо мной, пожевывая добытый мною фрукт с высокого дерева. Холодными ночами я замерзал, тряся всем телом, ломая голову, почему это произошло. Может, это шутка, подстроенная миром, увидевшим всю опасность моего развития?

Я остановился на этом, и теперь для меня было делом чести отомстить ему, вырваться вперед, перегнуть его и посмеяться ему в лицо. Тогда я был очень зол и в ярости размахивал палками, швырял в скалы камни, и вдруг заме-

тил искры, брызжащие от каждого удара. Я взял камень и стал молотить им по скале, но ничего не выходило. Тогда я брал другой камень и долбил им по скале, пока он не рассыпался у меня в руке, после чего я брал еще один камень, ломал и брал следующий и следующий до тех пор, пока искры вновь не осветили ночную тьму.

Нужный камень был у меня, но что с ним делать? Я снова начал молотить им о скалу, пытаюсь согреться хоть мизерной частью огня. Но стоило мне прекратить на секунду, как я вдруг почувствовал, как жутко болит моя рука, окровавленная, побагровевшая от запекшейся крови и грязи.

Добывать искры я больше не мог, а эта жутко холодная ночь убивала меня. Тогда мне сделалось чертовски обидно от того, как поступил со мной этот мир, оставив меня совершенно голым, когда как тигры и львы покрыты теплой шерстью, что греет их даже в эту лютую ночь. Меня обуяла ярость, и я решил так: если этот мир не может дать мне того, в чем я нуждаюсь, я возьму это силой.

Я схватил палку с камнем, выбежал из пещеры и побежал, ища добычи. Во тьме передо мной мелькали тени, я ничего не различал, не привык ко тьме, как эти гадкие кошки. Им было дано

все, что нужно, а что было у меня? Чертова палка да и только! Разве это справедливо? Разве это честно? Если мир не способен на подлинную честность, то на нее способен я, я восстановлю справедливость, забрав то, что по праву должно быть моим.

Во тьме я вдруг отчетливо рассмотрел два огонька, два спокойных и мощных глаза смотрели на меня из чащи, я видел грациозные движения плеч, слышал, как мягко ступают лапы огромной кошки, как медленно она приближается ко мне из мрака, готовясь к прыжку, но ярость во мне бурлила только сильнее, и я был готов к встрече, и я мог дать отпор, я тоже могу быть сильным, сильнее, чем этот тигр, сильнее, чем обстоятельства, сильнее чем этот чертов мир!

Тигр набросился на меня, повалил, придавив крепкими лапами к земле, взревел огромной глоткой, обнажив острые клыки. Я видел его силу, его мощь в этом оглушающем рыке, разнесшемся по всему лесу, спугнувшем птиц с их облюбованных мест.

Тигр встал на задние лапы, готовый одним махом могучих лап разорвать меня на части, но я вырвался, резко поднялся на ноги и с размаху нанес ему удар по основанию шеи. Тот отпрянул, оскалился и зарычал еще громче и свирепее,

встряхнул широкой мордой и помчался прямо на меня. Я приготовился, обхватил рукоятку палки обеими руками и поднял над головой, готовясь к удару.

Тигр почти настиг меня, разинув пасть, когда я, подобно аллигатору, сомкнул челюсти, обрушил на голову огромной кошки всю мою ярость, всю обиду, всю силу и веру, все, что у меня было, я вложил в этот удар.

Безжизненная туша влетела в меня, сбив с ног, и все затихло. Я вышел победителем из этой битвы, я одержал победу над строем этого мира, я вмешался в его правила и внес в них свои изменения, и это был огромный шаг.

Содрав с тигра шкуру, я вернулся в пещеру. Мой друг был удивлен, насколько он мог быть удивлен, пожевывая какую-то траву.

Победа оставалась за мной недолго. Мир прознал о ней и перешел к решительным мерам. Ночи становились холоднее, шкуры уже не грели так, как раньше, нужно было искать им замену.

С помощью палки я добыл древесины и обустроил свою темную пещеру, и на какое-то время это помогло, но ненадолго. И тогда я вспомнил о камне. Я попытался разжечь искры вновь, но не мог найти нужный. Из пещеры моей

целыми днями доносились лишь стук и крики, моя рука ныла от боли, но сдаваться я не мог, не должен был. Я все бил и бил камнями о скалу, которая уже давно стала прямой и гладкой.

И, наконец, добился своего. Подняв с земли очередной камень, я с силой стукнул им по скале, и на миг мою темную пещеру осветили сотни мелких искорок.

Я стукнул сильнее, и все вновь повторилось. Тогда я размахнулся еще сильнее и вцепился в скалу так, что искры разлетелись во все стороны, заполнили все пространство светом.

Вдруг случилось то, чего я не ожидал: искры поползли вверх по деревянным основам, разгорелись, разрослись и поглотили все выстроенное мной, обдавая меня пылающим дыханием. Я выбежал из пещеры, наблюдая, как горит мой дом, и внутри у меня грелась тихая радость. Это была победа, не смотря на затраченные на нее средства.

Так я добыл огонь. Так я обуздал природу. Так я установил свои правила. Теперь мне подчинялась даже ночь со всей ее таинственностью, теперь тигры боялись меня, а волки уважали, теперь и холод мне был не страшен.

Но меня огорчал мой друг, ведь он по-прежнему ящерица, еще хуже, чем прежде: его ноги

снова стали короткими, а брюхо волочится по земле, он часами двигает глаз языком и мычит, когда как я обуздываю природу. Все же я заболел о нем, он был мне как брат, и я должен был помогать ему, я был за него в ответе. Он помогал мне понять одну вещь: нельзя стоять на одном месте. Ты либо лезешь вверх, либо летишь вниз.

И я лез, я полз к лучшей жизни, к счастью и довольству. С помощью палки я смог создать еще много интересных вещей и приспособлений. Я выстроил себе дом, не желая прятаться в пещере, я оседлал лошадь, приручил волков, коров и куриц, я подчинил себе травы, выращивал себе пищу, и с каждым новым днем мне казалось, что вот он – достаток, вот оно – счастье.

Но смотря на моего друга – жалкую ящерицу, я понимал, что нужно идти еще дальше. И я шел. Я начал мыслить шире собственного огорода, я вдруг неосознанно задумался о смысле моей жизни, о ее цели, ее конце, который, в сущности, не так далек. Я начал думать о природе, что я победил, о тех нелепых случайностях, что помогли мне достичь того, кем я являюсь.

Мне вдруг показалось, что все это не просто так, что это слишком глупо, чтобы быть случайностью и что мир вокруг слишком сложен, слишком многообразен, слишком много тайн хранит

он от меня, его повелителя и завоевателя. И тут мне открылась истина: ведь вовсе не моими за-слугами я сумел выбиться от животного к тому, кем я являюсь сейчас. Нет, было нечто большее, нечто, дарующее силу, жизнь, цель. Нечто настолько великое и могущественное, способное управлять жизнями, судьбами, способное творить истории.

Я смотрел в ночное небо, не видя ничего, кроме миллиарда звезд, крошечных дырочек в темном пространстве. Я ощущал немыслимую, бесконечную пустоту вокруг меня, она окружала меня со всех сторон, она пугала меня, страшила своей безжизненностью и силой, сумевшей создать все сущее, все живущее и процветающее.

Я видел пустоту во всем, и пустота стала всем для меня, и в пустоте я увидел все. Ничто стало всем, стало живым, стало тем, кто управляет миром. Так я нашел Бога.

Получается, что моя собственная жизнь подчиняется законам, установленным вовсе не мной, как я считал раньше, а неким божественным существом, пронизывающим все пространство, обитающем во мне, в других людях, с кем свела меня моя вера, и во всем остальном, в каждой вещи, в каждом явлении природы, в каждом новом дне. Я чувствовал, я видел Бога во

всем, и я боялся его, я подчинился его воле, я стал послушным зверьком, запуганным, затравленным, каким меня хотели видеть государи.

Я жил, отдавая деньги за прощение, трудясь в поте лица, но жизнь моя была безрадостной, счастье отняли у меня, подчинили его себе, а мне оставили лишь оковы и цепи. Лучшая жизнь, какую я так долго искал в этом мире, оказалась недостижима, и мне оставалось лишь ждать и надеяться, что я достигну счастья и достатка в загробной жизни.

Я жил, трудился, отдавая всего себя власти, королям и феодалам, поставленным надо мной в наставление и руководство, не думая, лишь делая то, то от меня требовалось, искренне веря в прощение и вечную жизнь.

Но с каждым прожитым днем я вновь ощущал несправедливость со стороны жизни. Смотри на ожиревших королей, восседающих на золотых тронах, облаченных в дорогие мантии и утопающих в богатстве и славе, имевших все, что только можно было иметь, мне вдруг захотелось получить то, чего никогда не получит ни один король. Мне захотелось получить утешение в жизни, храм, куда бы я мог сбегать от непосильных и тяжких трудов, от жизни. И я создал любовь – вечную, нежную, ничего не требующую взамен,

искреннюю и теплую, романтическую, равную в правах, а не рабскую, как это было раньше.

Любовь, о которой пишут книги, любовь, от которой наворачиваются слезы счастья, любовь, необходимую каждому, неотъемлемую от любого человека во всем мире. Я любил и был любим и хотел сохранить любовь до конца своих дней и продолжить ее в своих детях, чтобы и они смогли дать ей расти и расти с каждым годом, веком и столетием, чтобы моя любовь распространилась по свету, просочилась в каждый его уголок и стала светом для остальных.

И я забыл о друге, забыл о мире, я перестал развиваться и осел в своем уютном доме, в своей крепости величиной не больше пещеры, в какой я был рожден. Любящая жена давала мне все, что мне было нужно, а я работал, не покладая рук, добывая хоть какие-то скудные гроши для семьи.

А мир не стоял на месте, города росли и росли, поглощая все большие территории под собой, государства распространялись все дальше и дальше, обхватывая всю планету своими руками, делили ее, не оставив ни одного пустого места.

И вот однажды, в один из многих похожих друг на друга дней я вдруг увидел моего старо-

го друга, копошащегося в траве. Того, с кем мы столько прошли, кто был со мной всегда. И мне вдруг стало противно от того, кем я стал, как я потратил столько времени, как низко я пал.

Я начал работать, я вновь встал на путь развития, я начал действовать, открывая для себя то, что другим было открыто уже давно. Меня приводило в ярость одна мысль о том, что я отстал, что я так далеко от первых. Я работал на станках, я разрабатывал механизмы, все изощреннее и изощреннее, я трудился, забыв о вере, любви, долге мужа и отца, я отдавался работе столь же сильно, сколько отдавался прежде, в моей животной сущности, и мне это льстило, я вновь пробудился ото сна и брал от мира все, что принадлежало мне, пока разум не затмила лишь одна мысль: весь мир – мой и только мой. Для меня и ради меня он существовал все это время, и я должен брать от него все, что он может мне дать.

Я начал бурить скважины, выкачивая моря нефти в считанные секунды, я вырубал леса, строя будущее для моих детей, о которых и во все забыл. Я научился использовать силу воды и ветра, а позже и самого солнца, я снова стал царем, полноправным правителем всей земли, я вновь велик, величественнее самой природы.

Я строю города выше неба, я рою тоннели глубже океанов, я имею все, что хочу, а это больше того, что мне нужно, больше того, что я имел до этого, воображая, будто я счастлив.

И вот я стою у окна, оглядывая свои владения, и на руках у меня покоится мой бедный друг, старый, испещренный сотнями морщин, складок сухой кожи. Он тяжело дышит, сердце стучит редко и судорожно, так, будто скоро ему суждено остановиться.

Мне жаль его, моего единственного друга, того, кто был со мной во времена упадка и расцвета, кто вернул мне понимание сути этой жизни, кто вытащил меня из трясины среднего класса, где я мирно покоился в комфорте и забвении, и сейчас он покидает меня, оставляет одного на этой земле.

И что же я могу сделать? Я, всемогущий правитель, подчинивший себе весь мир – разве могу я управлять жизнью? Разве могу я продлить или укоротить ее? Разве могу я жить вечно? Неужели я, борющийся все это время против природы, против ее законов, все же остался проигравшим?

Я неожиданно почувствовал, что друг мой не дышит, сухая и тонкая лапка безжизненно повисла, мерно покачиваясь, рот открыт, гла-

за закатились в глазницы, тельце его медленно остывает.

Мне стало грустно как никогда, мной овладела безумная жгучая тоска, печаль душила меня, от одной мысли о том, как прожил он свою жизнь. Мне хотелось рыдать.

Но вдруг я совершенно ясно понял все, о чем мой друг знал с самого начала, я вдруг осознал всю бессмысленность проделанной работы, всю бесцельность пройденного мною пути. Зачем мне все это? Зачем мне города, зачем мне власть, которой я не в силах добиться, зачем мне бороться, зачем мне сражаться за лучшее, если итог моей жизни будет тот же, что и у этой жалкой ящерицы? Ведь если все в этом мире подойдет к своему концу, то для чего же нужно идти?

Ответ был очевиден: идти стоит ради самого пути, ради самой дороги, по которой идешь.

Выходит, смысл жизни – это жизнь? Как же глуп я был, как много времени я потратил впустую, гонясь за какими-то идеалами, за несуществующей короной властителя мира. Как слеп я был все эти годы!

И тогда все изменилось, все поменялось, и в мою жизнь пришло веселье. Я делал все, что можно было сделать, пробовал все, что возможно было попробовать, я высасывал из жизни все

соки, все краски, какие она могла дать мне. Я лишился всяких правил, все оковы были сброшены с меня, все цепи разорваны, я был свободен, абсолютно, бесповоротно и безумно весел, но все же это не могло заполнить пустоты внутри меня. Она как невидимая рука сжимала мне глотку и душила меня, я не мог вздохнуть полной грудью, прочувствовать до конца ничего из того, что я хотел чувствовать. Радость была неполной, счастья не было вовсе, было лишь притворство и жалкие попытки забыться под тоннами выпитых бутылок.

И с каждым днем пустота внутри возрастала, а количество выпитого спиртного росло вместе с ней. Я не смог забыть того, что все тщетно. Я снова начал обрастать шерстью с ног до головы, от постоянного движения, постоянных гонок, беспробудного веселья я стал намного подвижнее, ноги стали короче, руки длиннее, пальцы приспособились не к палке, а к бутылке, я размахивал ей и кричал на улицах, как мартышка, но мне было плевать. Мне это будто бы нравилось, но вскоре и этого стало мало.

Я скучал по моему другу, что-то внутри меня все еще тянулось к чему-то большему, но я осознавал, что высшее никогда не принесет мне облегчения. Я нашел себе новых друзей, которые,

правда, исчезали со временем, но время с ними было незабываемо. Вернее, как раз время с ними я не помнил, я забывался ненадолго, а затем пустота поглощала меня с головой.

Тогда я перешел на следующую ступень – подлинное счастье, отрешенность от мира и уход в себя, в дерби своего разума, минутная эйфория, истинное наслаждение. Я больше не выходил из дома. Я чувствовал себя невероятно, но когда это проходило, приходилось пить. Вся моя жизнь превратилась в однообразное поило, зато минутами мне было хорошо.

Я и не заметил, как снова ползал по темной квартире на четвереньках, как брюхо мое снова повисло над землей, а лицо, некогда приятное и привлекательное, стало похоже на изуродованную морду ящерицы. Кожа иссохла и осыпалась, как чешуйки, ногти превратились в когти, а руки и ноги – в тонкие лапки. Не было никаких мыслей, не было ничего в голове, одно лишь желание забыть о мире и не знать его, не открывать перед собой всю его бессмысленность, не ощущать вновь это жуткое одиночество и потерянность в безграничной космической пустоте.

У меня получалось, с каждым днем все меньше и меньше хотелось думать о чем-либо в принципе, остались лишь инстинкты, призыва-

ющие есть, пить, спать и размножаться. Больше ничего. Больше и не нужно.

Мне нисколько не было стыдно за себя, я не знал, насколько жалок стал, насколько противен был бы я самому себе, знай я, кем стану в конце. Мне было плевать.

Я ящерица, животное – требовать от меня мыслить глупо, я не был создан для этого, для меня неестественно стремиться к высшему, я лишь должен жить и оставить что-то после себя, дабы жизнь моя не затерялась в жизнях сотен других подобных мне ящериц.

Но она затеряется. Да, я знаю это, и все мои труды, все мои заслуги просто исчезнут вместе со мной. Я больше не хочу об этом думать. Я всего лишь ящерица в темной пещере.

СИЯНИЕ

Камень громко плюхнулся в воду.

– Ну что за хрень? – сказал он сам себе под нос.

Стоя в шортах по колено в воде, он смотрел вниз с таким видом, будто бы наступил во что-то мерзкое. Будто бы все море стало для него вдруг омерзительным, и он, стоя в воде, прикидывал, как ему выбраться оттуда.

Опустив руку в воду, он вытащил из нее длинный вытянутый камень, весь покрытый фиолетово-бардовыми волдырями. Осмотрев его со всех сторон, повертев в руках, с которых капала вода, он несколько раз подкинул его вверх, а затем равнодушно опустил руку, позволяя камню скатиться и упасть обратно в воду. Уперев руки в бока, он вгляделся в горизонт, завис на несколько секунд, обернулся в сторону пляжа и, осторожно ступая по камням, медленно пошел дальше. Волны осторожно накатывали на

берег, вода была теплой и мягкой. Солнце скатывалось за горизонт и уже не пекло, а приятно грело. Или же вовсе не грело, только светило и все.

Народ, зачем-то скрывшись под зонтиками, шумел на прохладном песке. Ограниченный рядом зданий пляж, однако, нельзя было назвать людным. В это время года мало кто находил в себе неуголимое желание плескаться в воде или валяться на пляже часами. Поэтому пляж казался импровизированной сценой— кучки людей, нанятых на небольшую плату для массовки, декорации зданий на заднем плане, зонтики – все это казалось каким-то наигранным.

Ступив на острый камень, он шикнул, как змея, отдернув ногу, выругался и, стоя на одной ноге, вглядывался в прозрачно чистую воду, ища места, куда бы поставить ногу. Детские крики и плескание воды заставило его оглянуться. Дети на спасательных кругах, сморщив лица от радости и смеха, хлопали по воде пухлыми ручками. Сзади, вдалеке, в воду спускались голубоватые волнистые горы.

Каменистый пляж постепенно уходил под воду. Нужно торопиться. Скоро его скроет прилив, и, чтобы найти хоть что-нибудь стоящее, придется нырять. Поставив ногу на гладкий

скользящий камень, он, упершись об него, резко переставил вторую ногу вперед, дернувшись всем телом и неловко взмахнув руками, чтобы не упасть.

В оранжевом небе застыли несколько чайек. Они, изредка крича, не приближались и не отдалялись – просто махали крыльями где-то там, далеко. Было тихо. Слишком тихо даже для вечернего моря. Бесшумные волны были еле заметны, рябь утихла, и море превратилось в огромное гладкое зеркало.

Рука по локоть окунулась в воду, обшарила твердое дно. За ней и вторая. Перебирая пальцами, всполошив мелкую гальку, взволновав спокойствие поверхности, руки сквозь круги на воде казались двумя крабами, ищущими приюта меж камней.

Наконец, пальцы нащупали что-то. Схватившись обеими руками, он попытался вытащить это из воды. Рванув, он лишь поднял со дна клубы похожих на песок мелких камней. Что-то глубоко засело в земле и не хотело просто так выдавать себя. Рванув еще раз, он почувствовал, что «нечто» поддается. Еще чуть-чуть – и оно окажется у него в руках.

Устойчивее разместив ноги на гладких камнях, он напрягся и с силой рванул снова. К его

удивлению, предмет поддался чересчур легко—силы было слишком много. Не устояв на ногах, он плюхнулся спиной в уже похолодевшую воду. По спине полосой прошел ледяной холод, ему даже почудилось на секунду, что по ней скользнул раскаленный уют. Вскочив, он съежился, встряхнулся, и тут же огляделся на пляж. Никто не обратил на него внимания, все были спокойны, расслаблены и апатичны ко всему окружающему.

Он взглянул на руку, сжимавшую в кулаке нечто. Черный, местами рыжий, в странных буграх предмет покоился на влажной ладони. Потыкав в него пальцем, покатав в руке, он разломил проржавевший кусочек металла. Здесь это не редкость. Во времена войны на этот берег высаживался десант, а противники в это время шмаляли из пулеметов. Здесь все просто усыпано ржавыми снарядами, пулями и прочим нисколько не ценным барахлом.

Выбросив крошащийся ржавый металл обратно в воду, он пошлепал по воде дальше, к большим камням.

Солнца почти не было видно, небо от темно синего вверху плавно переходило в нежно-персиковый у горизонта. Становилось прохладнее, люди закрывали зонтики и собирали корзинки

с едой, складывали огромные полотенца. Одно из них вдруг вырвалось из рук и понеслось по ветру. Раздались крики и громкий смех. Он оглянулся, но вскоре, поняв, что полотенце спасено, снова всмотрелся в тихие набег волн на пляж.

Ему вдруг почудилось, будто у самых камней что-то светило в воде – какой-то бледно-желтый свет, как шапка медузы, не двигаясь, не мигая, еле заметно, спокойно мерцал в темной воде.

Небо резко стало темнеть, солнце было уже за горизонтом, а в нежно-персиковый влились холодные синие оттенки. Как акварельные краски, цвета будто перетекали одно в другое, одно из другого

Ступая по камням, осторожно ставя ногу, он пробирался к свету в воде, по дороге ежеминутно опуская руки в воду, поднимая со дна камни, казавшиеся ему интересными, разочаровываясь и опуская их обратно, иногда равнодушно, иногда с громким всплеском.

Вода в одном месте показалась ему уж слишком холодной. Ногу обдавало морозом. Отойдя, а затем вернувшись туда же, он убедился, что вода здесь действительно холоднее, намного холоднее. Практически ледяная. Из под камня, как он понял, бил ключ. Где-то там, под ним, потоки

воды настолько сильны, что выталкивают воду наверх, на поверхность. Постояв там какое-то время, он отправился дальше.

Сестра заходила сегодня. Пирог, принесенный ею в фольге и полотенце, был намного хуже, чем раньше. Она это знала, или предполагала. Жаль, что они не могли обсудить это. Он думал, что именно это и отдаляет их, хотя она пытается наладить отношения. Остановившись, он на секунду очнулся от размышлений и посмотрел на горизонт. Ему совсем не хотелось думать об этом. Может, поэтому он и пришел сюда?

Море успокаивало его, в какой-то мере, хотя закаты, как и рассветы, были ему глубоко равнодушны. Он редко ходил на пляж, поэтому визиты эти давали ему приятное ощущение того, что мир намного шире, чем тот его уголок, к которому он привык. Сейчас в нем самом была какая-то перемена. Ему не хотелось думать – и он не думал. А воспоминание о сестре было всего лишь минутным пробуждением в это странном, но притягивающем сне.

С пляжа донеслись громкие голоса. Еще одна группа людей, собравшись, прощалась с новыми знакомыми. Те, решив, видимо, просидеть на пляже всю ночь, разжигали костер, а вскоре до него донеслись и первые гитарные аккорды.

Он так и не добрался до камней. Видимо, удача не на его стороне. Хотя, к черту ему сдались эти камни. Он просто не любил плавать, но море тянуло его к себе, как и остальных. И потому, чтобы хоть чем-то занять себя, решил отыскать что-нибудь стоящее. Но что бы он ни поднимал со дна— все оказывалось одним и тем же. Вряд ли у камней он найдет что-то получше, подумалось ему.

Развернувшись, чтобы уйти, он, все ещё пребывая в легкой нерешительности, оглянулся на огромные черные валуны, сваленные в груды и постепенно сползающие в море. Совсем близко к ним – теперь, в темноте, он видел это ясно— что-то светилось приятным бледно-желтым светом, дрожащим от волн.

В любой другой день, будь то среда, понедельник или пятница – в любой другой день он развернулся бы и ушел, но сегодня ему не хотелось возвращаться домой. Что ждало его там? Невкусный, подгоревший пирог?...

Ему стало совестно. Совестно за то, что он никак не мог ей помочь. Скажи он, что пироги стали какими-то жесткими, сморщенными, и тесто внутри сырое – она бы обиделась и вряд ли бы снова решилась испечь для него хоть что-то. Тем более, он не хотел расстраивать ее.

В то же время, это не вело ни к чему хорошему. Она делала ужасные пироги, полагая, что они вполне ничего, и с каждым разом все хуже и хуже. Но она не давала ему возможность помочь ей, и с каждым разом говорить об этом становилось все сложнее. Пришлось бы признать, что как минимум три последних пирога он просто выбросил.

От досады он вдруг пнул бегущую на него волну, сотни брызгов разлетелись в разные стороны, оставив на шортах темные пятна, холодная вода заставила его съежиться.

Он тут же оглянулся на пляж. Там, собравшись вокруг костра, под звуки гитары напевали какие-то песни звонкие женские голоса. Он бы точно выглядел странно, если бы кто-то мог его видеть. К счастью, он был один.

Решив еще немного побыть на море, вдали от всех этих заморочек, он направился в темный уголок пляжа — к камням. Бледно-желтый свет все еще теплился где-то там.

Он отгонял все мысли, что лезли к нему в голову, словно приставучих мух, витающих над головой, монотонно жужжа. Смотря под ноги, но ничего не видя, он ступал на острую колючую гальку. Ближе к скалам камни под ногами становились все острее.

Двигаться дальше было куда сложнее, а вернуться на песчаный пляж невозможно – когда темные, как ночь, скалы и валуны скрыли его из виду, стало жутко темно. Единственным источником света было бледно-желтое свечение, на которое он и ровнялся.

Почти на ощупь он двигался вперед, пока не наткнулся на значительной высоты выступ. Попытка взобраться на него сразу показалась ему неудачной – он был полностью покрыт мелкими острыми бугорками, торчащими вверх, как колья. Но до свечения оставалось всего ничего.

Преодолевая боль, стискивая зубы и сжимая кулаки, он делал шаг за шагом, как ему казалось, по гвоздям. Они впивались в стопу, и как только боль более-менее утихала, приходилось делать следующий шаг. В прозрачной он понемногу различал источник странного сияния.

В каменной плите он заметил отверстие, похожее на шестиугольник, в котором, покрытое водорослями, грязью и чем-то неразличимым в темноте, светился округлой формы камень. По бокам он казался прозрачным, но в глубине находилось нечто, источающее свет. Подойдя совсем близко, он рухнул на колени и, держа лицо прямо над водой, всматривался в странный камень.

Осторожно опустив руки в воду, он коснулся источающего свет камня. Вода струилась меж пальцев, и он попытался создать ей преграду, чтобы получше все разглядеть, но та обходила кисти и устремлялась куда желала.

Попытка высвободить камень из отверстия не увенчалась успехом. Никак нельзя было выковырять его оттуда, как он ни старался. Камень застрял, и, возможно, уже давно. Возможно, вся эта плита наслоилась на него за многие тысячелетия, за миллионы лет, а теперь раскололась и открыла миру сие чудо.

Решив, что ничто другое не поможет ему выволить камень, он с силой ударил по нему кулаком. Камень раскололся, одну часть его тут же смыло волной, остальные, дрожа, еще оставались на своих местах. Схватив самый большой осколок, он вытянул его из воды и стал рассматривать.

Камень был похож на стекло, в которое каким-то образом влили что-то желтое. И светящееся. Ничего подобного он не видел. Следующая мысль, посетившая его голову, привела его в восторг – да и вряд ли хоть кто-то видел.

Камень святился у него в руке, освещая его руки, грудь и лицо, которое, так как освещение падало на него снизу, казалось весьма зло-

вещим. Глаза широко открыты от восхищения, уголки рта вот-вот поднимутся, и губы расплывутся в улыбке. Волосы вдруг растопырились в разные стороны от резкого порыва ветра. Холод обрушился, как сознание чего-то неосознанного, невообразимого – быстро и сокрушительно.

Сжав находку в кулак и обхватив руками оголенный торс, он направился обратно, почти интуитивно, не видя, куда идти. Совсем скоро из-за черных валунов выглянул освещенный разгоревшимся костром пляж, звуки акустической гитарой вперемешку с сонными голосами и шумом волн успокаивали и навеивали тепло куда-то чуть ниже ключиц, меж ребер.

Выбравшись из воды и наконец почувствовав ноги под собой, одубевшие от долгого нахождения в воде, он подошел к своим вещам, сложенным рядом с пляжной сумкой. Полотенце засыпало песком, который и в сумке нашел себе местечко. Вытряхнув все ее содержимое на полотенце, он схватил майку и поспешно надел ее.

Когда его голова высунулась через воротник, его взгляд пал на поющих у костра. В основном это была молодежь, самым старшим было на несколько лет меньше, чем ему. Ему подумалось, видели ли они светящийся камень? Ведь это не так то просто не заметит. По крайней мере ве-

чером. Надев на себя все, что можно было, он взял пожитки и, собираясь было уходить, осекся, посмотрел в сторону костра и окликнул сидевших вокруг. Гитарист, сидевший ближе всех, развернулся и, вопросительно подняв бровь, взглянул на него.

– Вы не видели там... На камнях? Камень... – начал он нерешительно и замолк.

Все переглянулись.

– Камень на камнях? – переспросил парень с гитарой. По лицам, светлым от играющих пламенных языков, пробежала улыбка и смехок.

– Да, но он...

Объяснения были излишни. По выражениям лиц он понял, что вряд ли его поймут. Отмахнувшись и улыбнувшись, извиняясь, он отошел, подхватил на руки вещи, а содержимое кулака незаметно переложил в карман. Тяжело ступая по песку, он ушел с пляжа, оставив позади песни, костер и гитару.

Стряхнув с ног песок, он надел обувь и зашагал по пустой, освещенной тусклыми редкими фонарями улице. Народ шумел на центральной, кафешки и рестораны, забитые людьми и светом, процветали. Самое оживленное время для них всегда поздний вечер, граница между вчера и завтра.

Парочка на другой стороне улицы разразилась громким смехом, из-за чего он вздрогнул и обратил на них внимание. Они вырвались из темноты в кружок фонарного света. Мужчина, закинув руку на плечи девушке и чуть навалившись на нее, громко смеялся. В другой руке у него была бутылка чего-то, наверняка алкоголя. Тьма снова поглотила их, и парочка исчезла.

Идя этим путем, он всегда задумывался настолько, что не замечал, как оказывался дома. Однако сегодняшний вечер был особенным. Идя по пустынным улицам, он ни о чем не думал, чувствуя внутри себя не пустоту, а легкость, а может и некие оттенки радости, ни с чем не связанной, ни из чего не вытекающей радости.

Сунув руку в карман, он нащупал острые края светящегося камня, сжал его в руке, и тут же внутри него, в груди, проскользнуло что-то теплое, светлое. На него хорошо подействовал сегодняшний день. Надо почаще выбираться на море, подумал он.

Улица шла по прямой, окаймленная рядами фонарей, уходивших в шевелюры деревьев. В конце улицы они, казалось, сходились в одну точку. Это походило на темный тоннель, в конце которого его ждал приятный мягкий свет придорожной кафешки.

Свернув за угол, не доходя до конца, он попал на узенький переулок. В домах уже погасили свет. Изредка попадались освещенные, закупоренные шторами окна, где тени проносились мимо, играя в своем собственном театре теней на закрытом показе.

Из-за поворота снова показались фонарные столбы. Улица шла в гору. Он пересек ее и оказался на своей – той, что вела прямо к дому. Знакомые дома один за другим поплыли мимо, оставаясь позади. 37, 35, 33... Самодельные детские площадки, качели, недавно выкрашенный фасад и новые окна контрастировали с неухоженным газоном и заколоченными досками окнами, провалившейся крышей.

Этот дом был здесь с самого начала, сколько он себя помнит. В детстве он бегал туда с остальными ребятами с улицы. В нем всегда находилось что-то интересное, в руинах бывшего жилья они вечно находили отголоски ныне увядшей жизни.

Следующие дома ничем не отличались друг от друга, кроме последнего. Это был дом сестры. Номер 25. Через дом от него. Он издали заметил его, но не хотел думать о нем.

В темных дырах окон ничего не было видно, свет не горел. Однако, проходя мимо, он все же прибавил шаг, изредка бросая на дом быстрые

взгляды. Вдруг в окне загорелась лампа, отбросив на дорожку желтый прямоугольник света. Рядом с ней высилась тень, рванувшая к входной двери. Та распахнулась, и на пороге, накидывая халат, показалась сестра.

Из последних сил стараясь делать вид, что не замечает ее, он шел мимо, пока она не окликнула его совсем рядом. Он остановился, закатил и зажмурил глаза, затем обернулся.

– Где ты пропадал? – спросила она, завязывая пояс халата – Я заходила к тебе сегодня, но тебя не было.

– Ходил на пляж. Так, камни поискать – ответил он.

– Камни? – она подняла бровь, простояв так какое-то время, видимо, ожидая ответа.

Он молча и неуверенно кивнул, не понимая, что в этом такого удивительного. Она смотрела на него, и ему это не нравилось. Потому что она смотрела... с сожалением. А его не за что было жалеть. После того, как мать умерла, она вечно старалась опекать его, будто он все еще был мальчишкой.

– Ты не зайдешь ко мне завтра, как освободишься? – спросила она, указывая через себя на дом – там, в подвале, нужно подняться машинку...

– Да, зайду – рассеяно ответил он.

Она кивнула и теплее закуталась в свой синий халат.

– Я пойду – прервал он молчание – Устал. Тем более...

– Да – перебила она – Давай. Я тоже пойду... Все уже спят.

– Да – только и смог ответить он.

Она, немного постояв и снова посмотрев на него тем же взглядом. Развернулась и зашагала к дому, оглядываясь на него. Он стоял на месте, чуть ссутулившись. И на душе становилось неприятнее. На пороге она снова остановилась, простояв там больше минуты, помахала ему рукой и, снова обернувшись, захлопнула за собой дверь. Свет потух, хотя он знал – она точно смотрит на него из темноты.

Подобные встречи выматывали его, и за пять минут напряженного разговора он мог устать сильнее, чем за день тяжелого труда. Легкость сменилась тяжестью, и все хорошее настроение сняло рукой. Ему стало тошно от всего этого, и оставаться под ее взглядом было для него хуже, чем под струей кипятка или лавы. Он зашагал дальше, опустив голову еще ниже.

Теперь в поле зрения оставалась только выложенная брусчаткой дорожка. Сунув руку в

карман, он нащупал острые края светящегося камня и сжал его в руке.

На крыльце он выронил ключи из рук. Подняв их, он открыл входную дверь. Затхлый запах вырвался наружу, как пес, прождавший у двери целый день. Повернув выключатель, включив свет, он вошел в неприбранную прихожую. Сбросив ботинки, он прошел в спальню, кинул вещи на стул, снял с себя рубашку и пошел в ванную. Умыв лицо ледяной водой, он посмотрел на себя в зеркало. Слегка покрасневшее от холодной воды лицо, темные густые волосы, костлявые плечи. На свежем лице уставшие, изнуренные глаза казались совсем не к месту.

В свете тусклой лампы над зеркалом тени создавали из его лица маску, непроницаемую глиняную маску. Капли воды стекали с подбородка, пикировали и разбивались о раковину. Сзади, в зеркальном отражении, на стуле он заметил свечение. Это камень светил через шорты. Нежное бледно-желтое свечение цветком раскрылось в глубине темной комнаты. Темной, как воды ночного прилива. Ему почудилось, что он и в самом деле слышит шум волн, чаек и свист ветра меж камней.

Отвернувшись от зеркала и войдя в темное помещение, он присел у стула, вынул из кармана

светящийся камень и, сидя на корточках, держал его перед собой. Только сейчас ему удалось рассмотреть его как следует. Снаружи камень напоминал совершенно обычное стекло. Прозрачный, хрупкий. Но внутри него что-то... происходило.

Некие... песчинки, крохотные, как атомы, вращались по эллипсоидной траектории, сталкиваясь друг с другом, перекручивались, источая еще более мелкие частички. Все это бурлило внутри, хаотично двигаясь в крохотном куске стекла.

Он смотрел на него минут двадцать, нежный свет выхватывал из темноты его лицо: странное, каменное лицо, замороженно смотрящее на камень. Он не моргал. Его глаза блестели, а в конце и слезились. Но, смотря на него, он чувствовал спокойствие, умиротворение. Он не знал, что это, но это помогало ему, ему это нравится – этого было достаточно.

Оторвавшись, наконец, он встал на жутко затекшие ноги, потянулся всем задубевшим телом, положил камень на стол и направился на кухню. Там, открывая ящик за ящиком, он отыскал небольшую банку с замком на крышке.

Закинув камень в банку, он чуть подержал ее в руках, снова, как прикованный, смотря на ка-

мень, но вдруг осекся, мотнул головой и, поставив камень на полку, устало свалился в кровать.

Расстлать ее не было сил. Он просто сбросил на пол покрывало, укутался в одеяло и утонул в мягкой прохладной подушке. Свет камня разливался по комнате, из-за чего он долго не мог уснуть. В конце концов, встав и прикрыв банку книгой, он вернулся в кровать, заснул и после странного сна умер.

II

Кофе в придорожной забегаловке, где он завтракал каждое утро, имело странный привкус, какого раньше он никогда не замечал. Кое как съев яичницу, он почувствовал, что утреннее недомогание вовсе не собирается его оставлять.

– Что-то у вас совсем усталый вид – сказала официантка, убирая со стола грязную посуду.

– Ночь не из лучших – признался он, слабо улыбаясь.

Вскочив ранним утром от жуткой боли в животе, на мокрой от пота постели, он закричал. В следующую секунду он уже ничего не чувствовал, будто все это было сном. Но о реальности произошедшего ему напомнила тошнота, навалившаяся после.

– Должно быть, нахлебался соленой воды. Вчера море было... Чудесным.

Официантка сочувственно улыбнулась и унеслась прочь. За окном проносились машины, посетителей было немного. К его горлу вдруг поступил вязкий, жгучий ком. Закрыв рот рукой, он понесся в туалет.

Когда он вернулся, на столике уже ждал чек. Оставив деньги и чаевые, он вышел.

Работа валилась из рук. Придя в офис, он тут же заварил себе кофе, пытаясь забыть утренний привкус. Две ложки кофе, две ложки сахара, кипяток. Запах на мгновение взбодрил его. Несколько раз встряхнув чашку, чтобы рассеять темные гранулы, ровным слоем скопившиеся на поверхности, он отхлебнул несколько глотков.

Его осенило смутное предположение. Отхлебнув еще, он лишь подтвердил это предположение. Дело не в кофе из кафе, не в том, откуда этот кофе. Теперь каждый кофе имел для него этот специфический привкус.

Дело в нем. Что-то изменилось. Должно быть, он действительно болен. Смотря на черную жидкость в чашке, он вдруг заметил, что в нее что-то капнуло. Решив, что это с потолка, он поднял голову, и по его губам пробежало что-то теплое. Осторожно поднеся пальцы и дотронув-

шись до мокрых губ, он посмотрел на них – это была кровь.

Врач не сказал ничего вразумительного: переутомление, давления и прочая ерунда. Получив бумагу с печатью, он вышел от него с рекомендацией несколько дней отлежаться дома.

Первая мысль, посетившая его голову: сестра не должна узнать. Ее неловкие попытки помочь уж точно вывели бы его из себя. Она просто не знала как. Она пыталась, но...

В метро он даже не сунулся. И в те дни, когда он прекрасно себя чувствовал, оно сказывалось на нем негативно. Сегодня оно прикончило бы его окончательно.

Выйдя из стеклянного куба офисов, он решил прогуляться, дыша свежим воздухом. Погода ничем не отличалась от вчерашней, было свежо, не душно, не жарко. Это редкость, особенно в таких городках, как его. Это заняло у него больше часа. Не спеша прогуливаясь по изученным наизусть, знакомым с детства улочкам, он почувствовал себя чуточку лучше.

Открыв входную дверь, ему почудилось, будто бы он жутко давно не видел свой дом в дневном свете, хотя это было только вчера. Может, он давно не видел ее такой именно в этот день недели... Бросив портфель куда-то и снова по-

чувствовал приступ тошноты, он исчез за белой дверью в конце спальни.

День не задался. Он представлял это как прямую нить, движущуюся вперед. Если колыхнуть ее в одну сторону, она непременно должна на столько же колыхнуться в другую. На середине ему живется никак. И если колыхнуть эту середину и добраться до «хорошо», то за этим непременно последует падение до «плохо». Вчера ему было хорошо, сегодня – плохо. Он надеялся на завтра, когда ему снова должно быть как-то «средне».

Доползши до постели, он рухнул на нее, не раздеваясь, и провалялся на ней больше часа. За окном становилось темнее, а его глаза то ли были закрыты, то ли опущены куда-то вниз, и не понятно – дремал он или забылся глубоким сном.

То ли в бреду, то ли в странном сне, ему виделись темные силуэты на фоне яркого света, вылетающие из него, приближающиеся все ближе, или отдаляющиеся. Они то растягивались, то сжимались, перекручивались, росли и искривлялись. Круги, спирали, кресты – все это походило на ахинею. Все это вдруг стало закручиваться, как водяная воронка.

Он проснулся. Глаза слипались от капель пота, а подушка была мокрой. Подумав, что все

это пот, он не предал этому значения, пока, повернувшись, не заметил, что та стала черной. На стене кривилось какое-то странное пятно света.

Вяло поднявшись, он включил лампу и понял, что это не пот. Это кровь из его носа. Должно быть, пошла, пока я спал, подумал он, и, встав, направился в ванную. Сняв простынь, поменяв наволочку и пододеяльник, он, чуть взбодрившись от небольшого, посильного труда, сел на кровати, думая, чем занять вечер.

Отыскав пульт, он перелистнул пару каналов, но не нашел ничего стоящего. Телефон разрядился и стоял на зарядке. На кухне, в холодильнике, не нашлось ничего, чем можно было бы перекусить. Вернувшись в комнату, он стал перебирать какие-то вещи, грудami наваленные на полках и тумбочках. Разбирая старые тетради, отчеты, которые оказались никому не нужны, книги, журналы.

На одной из полок, убрав очередную книгу, как-то странно брошенную на другие, он нашел вдруг банку, в которой покоился найденный им вчера камень. Отбросив книгу, он взял в руки банку, сел на кровать, скрестив ноги, и выключил лампу. Сидя в крошечной темноте он отчетливее мог видеть камень, излучающий это странное, непонятное свечение.

Он осматривал его со всех сторон, вынимал из банки и ощупывал. Камень был... необычным. Вряд ли ему рассказывали о таком в детстве, и вряд ли он читал о нем в книжках. Все это свечение, то, как он нашел его, да и он сам. С каждым взглядом он завораживал все больше. На него хотелось смотреть, не отрываясь, не мигая.

С улицы раздались странные звуки, на которые он не обратил внимания. Они продолжались некоторое время, повторяясь точь в точь. Так долго, что он привык к ним, а когда они вдруг прекратились, очнулся и поднял голову, прислушиваясь, но ничего больше не слыша.

Очнувшись от летаргии, он достал ноутбук, зашел в интернет и попытался найти хоть что-то, что прольет свет на происхождение камня, но ничего. Множество сайтов по эзотерике и еще чему-то, куда он не хотел лезть. Вывод, который он сделал, звучал в его голове так: либо этот камень никто никогда не видел и даже не предполагал о его существовании, либо он настолько приелся людям, что о нем не сочли надобности писать статьи.

Это объясняло, почему о нем нет никакой информации, и все же первый вариант казался ему более невероятным. И хотя он был весьма логичен, второй был реальнее. Всегда сложно

поверить, что ты открыл что-то новое, когда ты действительно открыл это.

Прокапавшись в интернете до поздней ночи, пока глаза не устали настолько, что закрывались сами собой, он, наконец, отложил ноутбук в сторону и, подхватив банку, лег в постель.

День был совершенно бесполезным. Хотя, дни болезни всегда были скучны и бесполезны в какой-то мере. Когда болен особо и не повеселишься. Даже та доля свободы, которая выпадает на тебя в эти дни, ограничена самочувствием и множеством причин, не позволяющих тебе радоваться в полную силу.

Как и каждая первая ночь его болезни, эта ночь была бессонной. Провалившись до глубокой ночи без сна, рассматривая банку с камнем, он в итоге поставил ее на тумбочку у кровати и, перевернувшись на другой бок к ней спиной, вроде как задремал.

На самом же деле он чувствовал, что пребывает в сознании. Какая-то странная картина – то ли из жизни, то ли из фильма – преследовала его всю ночь. Он видел, как темная фигура гналась за ним с садовой лопатой, но так и не могла догнать. Все это на фоне яркого свечения.

Время текло жутко долго, но когда, открыв глаза, он посмотрел на часы, было не больше

пяти утра. Сна не было ни в одном глазу. Все это казалось игрой, хаосом, из которого ему все же удалось выбраться.

Всматриваясь в потолок, он вдруг осознал, что видит его прекрасно, как и шкаф, книжные полки, плазменный телевизор на стене и прочее. Он чуть приподнялся, удивляясь, как ночью может быть так светло, и заметил, что не убрал камень, который, стоя на том самом месте, куда он его поставил вчера, светился.

Он вспомнил, что должен был зайти к сестре. Неловко, что он так увлекся камнем, что забыл о ней. Хотя, в конечном счете, у него есть оправдание – он болен. Черт его знает чем.

Присев на кровати, подложив подушку под спину, он взял банку и покрутил в руках. Постучал по ней пальцем, потряс. Открыв ее, он вывалил камень на простынь. В крошечной темноте этот небольшой осколок мог осветить целую комнату. Что же могли сотворить сотни таких?

Он снова всмотрелся в осколок. Внутри по-прежнему светились, отсвечивали сотни тысяч ярко-желтых песчинок, но теперь в их движении господствовал хаос. Они двигались по странным, изменчивым траекториям, извилистым, косым, выкрученным в жуткие петли, как рой ос или стая птиц.

Всматриваясь все глубже и глубже, он чувствовал, как все вокруг замирает, предоставляя право жизни лишь одному камню. Время замерло, все потухло – светился лишь камень. Он был центром, куда стекалось пространство и время, и его плавно, грациозно движущиеся песчинки, завладевали миром, взглядом, дыханием, сердцебиением.

Оторвавшись от сего зрелища, он понял, что комнату давно залил солнечный свет. Из-под зашторенных штор на пол падали тонкие полоски света, струйки, целые потоки его – желтого, теплого – освещали встревоженные пылинки у пола, недвижимо зависшие в пространстве. На улице покрикивали птицы, довольные утром.

Странно, что он не заметил рассвета. Став с кровати, он подошел к окну. На его лужайке сестра разговаривала с соседкой, поглядывая в сторону его дома. Соседка тоже бросала на него беспокойные взгляды, импрессивно жестикулируя. На досаду и протесты не было сил, поэтому он просто смирился с тем, что она скоро поднимется по крыльцу и позвонить в его дверь два раза, как она обычно это делала, и немного понаблюдает за ними.

Их разговор, похоже, был предельно странным. Сестра будто бы успокаивала соседку, с ка-

ждой репликой перенимая ее беспокойство. В конце концов, дружески потрепав друг друга по плечу, они попрощались, и она, как он и предвидел, пошла к нему.

Через несколько секунд в дверь позвонили. Два резких коротких звонка. Он тут же открыл и увидел ее. Брови нахмурены, а в очках она еще больше походила на учительницу. Руки ее были вечно скрещены на груди.

– Привет – она махнула рукой, он тоже попытался сделать нечто подобное – Я звонила тебе на работу. Ты обещал зайти вчера...

– Да, я... Заболел – как можно трагичнее сказал он, приняв изможденный вид, хотя, честно говоря, чувствовал себя куда лучше.

– Да, мне сказали... – она помолчала – Я заходила вчера вечером, звонила несколько раз.

Он странно на нее посмотрел.

– Вчера? Должно быть, я еще не пришел.

– У тебя горел свет – отрезала она.

Она обняла себя руками, скрещенными на груди, и смотрела на него как на провинившегося ученика. Он почесал затылок, не зная, что сказать. Его рука, все еще лежавшая на ручке входной двери, сжималась и разжималась.

– Я ничего не слышал – подытожил он после затянувшегося молчания.

Она внимательно на него посмотрела, приняв вид мученицы, которой есть что сказать, но которая терпит, молчит и смиряется. Затем, собравшись уходить, спросила:

– Сегодня ты мне поможешь?

– Не знаю. Может, завтра – ответил он, все еще почёсывая затылок.

– Хорошо – она обвела его взглядом, прищурилась и спросила: – Ты в порядке?

– Да, более-менее – ответил он, поджав губы.

Она кивнула, и он проводил ее взглядом, пока она не сошла с его лужайки и исчезла вверх по улице. Закрыв дверь, он подумал, чем таким он мог заниматься, что не услышал, как в дверь звонили?

Он вспомнил о странных звуках, но не мог поверит, что это были они. Решив, что слишком увлекся статьями в интернете, он оставил эти мысли.

Целый день впереди, а когда ты болен – это целая вечность. К счастью, в обед ему позвонили с работы и загрузили кое-какими делами. Впервые он был рад этому. Распечатав отосланные по факсу бумаги, он сел за стол, предварительно заварив себе кофе, который так и остался со странным привкусом. Хотя привкус этот довольно сильно чувствовался, он стал привы-

кать к нему. Так проговаривал он самому себе, не желая признаваться, что привкус с каждым глотком нравился ему все больше.

Сев за стол, он принялся за работу. Прочитывая страницу, он откладывал ее в одну из четырех или пяти стопочек. Пробегая глазами договора, лицензии и прочие документы, он ставил печати, расписывался и вносил в картотеку в своем ноутбуке. Иногда ему приходилось звонить в офис и выяснять кое-какие детали, а то и отдавать кое-какие распоряжения насчет того или иного дела.

Один из таких разговоров оказался настолько сложным и напряженным, что, положив трубку, он устало бросил телефон на стол и, откинувшись в кресле, протер глаза кулаками. На улице потемнело, и дома свет не горел, так что легкое свечение на кровати тут же приковало его взгляд.

Это был камень, который с утра валялся в кровати. Он и забыл о нем. Но теперь все внимание снова было приковано к нему. Его приятный, нежный свет успокаивал и убаюкивал. Лежа меж простыней, отбрасывающих контрастные тени, он был похож на... чудо, сокрытое от любопытных глаз. На него хотелось смотреть бесконечно...

Лай собаки и крики с улиц пробудили его, он дрогнул, и, посмотрев на часы, понял, что засмотрелся на камень на целый час. Выругавшись, он отвернулся к столу и вновь принялся за бумаги. Снова звонки, снова строчки, столбцы, цифры, росписи, одни и те же слова, отчеты сотрудников, ошибки, которые надо исправлять, недочеты, которые надо исправлять, ноутбук, пиксельный экран, звездочки в глазах. Нервы его напрягались, но что раздражало его больше всего, так это то, что он постоянно, совершенно невольно оглядывался на камень, будто тот... ждал его. Ждал, когда с работой будет покончено и внимание снова перейдет к нему.

Он ждал как преданный пес, смотрящий прямо в глаза, а через глаза еще глубже – в душу. Он не кричал, не призывал его внимания, не ставил условий – он ждал. Наивный, беззащитный, открытый для всех – так ему вдруг показалось, и это разозлило его. Он чувствовал в себе накипающую беспричинную ярость.

В один миг он не сдержался. Вскочив с кресла, отбросив его на пол, он подбежал к кровати, схватил камень и, с силой выдвинув ящик тумбочки, кинул его туда, а затем с той же силой, если не большей, захлопнул его. Наступила тишина и мрак.

Нашарив в темноте стул, он спокойно поставил его на ножки и сел. Включив потухший ноутбук, он на минуту замер. Он чувствовал себя таким усталым. Похоже, работа не пошла ему на пользу, все же он слишком слаб.

Когда ноутбук снова включился, он, посмотрев на него слипающимися глазами, закрыл крышку, встал и, дотелепав до кровати, свалился с ног.

Посреди ночи на него вдруг обрушилась жуткая боль в животе. Свернувшись калачиком, он схватился за живот. Он чувствовал будто что-то режется, разрывается в нем. Органы опухали и разрастались в пузыри прямо в нем. Под кожей что-то светилось, и сквозь пальцы проникал наружу бледно-желтый свет.

И ту он проснулся. Свернувшись на постели калачиком, скомкав одеяло, он обнимал сам себя за живот, с которым, как оказалось, все было в порядке. Всего лишь сон. Однако, сквозь пальцы наружу действительно просачивался бледно-желтый свет. Расслабив хватку, он увидел стеклянный осколок, в котором, сжавшись в середине, скомкались желтые песчинки.

Смотря на свое отражение в зеркале, он себя не узнавал. Вокруг глаз четко вырисовывались темные круги, лицо осунулось и постарело

лет на 10 вперед, волосы высохли, один из них блестел в свете лампы своей абсолютной белизной. Размякшей рукой взяв зубную щетку, он, обмазав ее тонким слоем пасты, так и не нашел в себе силы почистить зубы – щетка вывалилась у него из рук и упала на пол, где и осталась валяться.

Окатив лицо ледяной водой, он, хоть как-то взбодрившись, пошел на кухню. Есть не хотелось. И главное – не ясно почему. Никаких явных симптомов, никаких диагнозов. Он не переутомлен, он практически ничем не занимается, но он жутко устал. Будто пахал несколько месяцев без выходных и сна.

Напялив халат и выйдя на улицу, чтобы проветриться, он встал на крыльце и наблюдал за происходящим на улице. Зеленые лужайки и кроны деревьев колыхались от ветерка, летящего с моря. Он почувствовал запах. Из двери дома напротив показалась соседка, разговаривавшая с сестрой день... или несколько дней назад. Она, так же заметив его, быстрыми шагами промчалась к мусорному баку и обратно, не спуская с него пристального старушечьего взгляда.

В дверях она остановилась, бросила взгляд куда-то в сторону, кивнула и указала рукой на него. Проследив за ее взглядом, он увидел се-

стру, идущую за руку с дочкой. Она повернулась к нему и, видимо, сказав дочке подождать ее, направилась к нему.

– Неважно выглядишь – вместо приветствия.

– Плевать – вдруг отрезал он.

Его поведение показалось ей странным.

– С тобой все в порядке?

– В полнейшем. Прекрасно себя чувствую. По мне что, не видно? – и он наигранно улыбнулся.

– Тебе нужен врач. Я как раз знаю одного специалиста. Позвоню ему сегодня.

– Нет – вдруг взорвался он – не нужно, слышишь? Я в порядке. Просто... устал!

Недоверие в ее глазах читалось, как наружная реклама на столбах – ясно и просто.

– Значит, ты, наконец, поможешь мне с машинкой?

Он замялся.

– Н-не знаю. Все же я еще слаб, сама видишь. Пойду, выпью кофе.

Она снова смотрела на него с беспокойством. Нельзя было понять, обосновано ли оно сейчас или же это ее привычное состояние. Состояние вечной взволнованности о том, чего она не могла контролировать.

Но он действительно вел себя странно. Чересчур резок и не в меру развязен, даже груб.

Не выслушав того, что она хотела ответить, он отмахнулся от нее рукой и захлопнул дверь. Он вдруг почувствовал себя богачом, которому наскучила жизнь – у него было все, от чего ему совершенно ничего не хотелось.

Расхаживая по квартире, он брал то одно, то другое, но ничто не могло его заинтересовать. Зайдя в гостиную и заметив камень, светящийся где-то в складках одеяла и простыни, он вяло взял его в руки, сел на диван и, держа его прямо перед собой, стал всматриваться. И исчез.

Все вокруг него остановилось, а он остановился для всего вокруг. Стрелки часов закружились быстрее, разгоняясь, а он – неподвижен. Врос в диван, а взгляд – в камень.

Станный гул заглушал звуки – его называют тишиной. Гул, в котором прочие утопают. Монотонное звучание одного протяжного, молчаливого пения. Вся комната пожелтела, бледные блики подрагивали.

Его глаза остекленели. Он не моргал уже несколько часов, на щеках высохли полосы влаги из слезящихся глаз. Мышцы затекли, некоторые из них свело – они напряглись и постепенно коченели. Он продолжал сидеть неподвижно, вкрутив, как шурупы, взгляд в небольшой светящийся тусклым светом камень.

Задний план уходил, сглаживался, темнел. Оставался только камень и свет. Бледно-желтый свет, растущий, крепчающий. Из камня, как из солнца, вдруг стали вырываться световые дуги. Выходя из одной точки, они стремились ввысь, но, сгибаясь, падали обратно в сгусток песчинок. Все это сотни раз, и все больше, и больше.

Свет заполнял все пространство. Вскоре его руки скрылись в нем, как под лепестками огромного цветка. Свет, яркий свет, как во сне – все, что он видел. Будто бы держа в руках не маленький камень, а огромный включенный прожектор, светящий ему прямо в лицо.

Тени от пальцев полосами, слоями наслаивались друг на друга, мешали. Но он не мог пошевелиться, камень приковал его к себе. Он не думал как дышать – тело само дышало, а он был где-то...

Может, он и вовсе ни о чем не думал. В его голове, возможно, ничего не осталось. Мозги будто выкопали из нее садовой лопатой. Свет поработил его, а он подчинился ему.

Неожиданно темный силуэт, как из сна, промелькнул в свету. Он услышал крик совсем рядом с собой, как будто ему орали на ухо. Камень резко потух, вобрав в себя весь свет. Постепенно очертания комнаты стали восстанавливаться,

и перед собой, на коленях, он увидел сестру, трясущую его за плечи.

– Да очнись же ты наконец! Что с тобой такое? Боже мой!

Он выронил камень из рук и свалился на бок. Он чувствовал, как из носа по губам, шее, теперь и щеке текла теплая кровь. Глаза закатились, и все снова погрузилось во мрак.

III

Сестра расхаживала по комнате взад и вперед, диктуя его адрес в микрофон его телефона. На другом конце вечно переспрашивали, из-за чего она раздражалась и не могла повторить четко и внятно.

Он валялся на диване, не в силах держать глаза открытыми, поэтому картинка перед ним частенько темнела и он ничего не видел. Из носа снова пошла кровь. Открыв глаза, он увидел, что она тянет к нему мокрое полотенце. Он вяло оттолкнул ее руку, но она потянулась снова и вытерла кровь. Противиться второй раз у него не было сил.

Когда прибыл врач, она все рассказала. Как несколько раз звонила в дверь, но, подумав, что он снова ничего не слышит, и к тому же зная, что уйти он никуда не мог, решила зайти. Как она

сказала, он сидел в ступоре, смотря в одну точку, еле дыша. Из носа у него просто хлестала кровь, забрызгала ковролин и его халат. Глаза были пустыми.

Доктор, попутно просвечивая ему глаза фонариком, меряя пульс, давление и температуру, слушал ее очень внимательно.

Аппарат известил о том, что давление измерено.

– Черт возьми... – выругался он еле слышно.

– Что такое? – спросила сестра, стоящая сзади, чтобы ничему не мешать.

Врач обернулся на нее, воздвигнув брови вверх, будто удивляясь её присутствию. Затем выволил из своей красной сумки стетоскоп и стал слушать, прикладывая холодную головку стетоскопа к груди и спине. Его кожа покрылась мурашками.

Долгое время после этого он молча, с серьезным видом смотрел на него, как на объект исследования, как на артефакт неизвестного этнического происхождения.

– Ну как он? Что с ним? – снова спросила сестра.

– Не знаю... Не могу понять, все в норме. Температура, давление, пульс. Зрачки не расширены, легкие чистые... Я выпишу вам направление...

И вдруг он, лежа на диване, вдруг заметно оживился. Привстав, облокотившись на локоть, он хотел что-то сказать, но не смог. Его слова походили на бредни, почти ничего нельзя было разобрать. Он говорил:

– Да, прогони его прочь. Это все ОН. Что врач? Он не знает... Черт подери...

Живот прихватило. Он снова свернулся калачиком, обхватив живот руками. Врач ринулся к нему, расправил халат и стал ощупывать бока, но... И тут ничего.

– Да что же с ним? – раздосадовано всплеснул он руками.

Посмотрев на больного еще немного, он вдруг серьезно сказал:

– Выпишу вам направление. Пойдемте – обратился он к сестре и они вышли.

Он все еще валялся на диване, слюна во рту накапливалась, а в животе что-то поднималось к горлу. Когда, поняв, что это неизбежно, он вскочил на ноги и побежал в уборную, его вдруг охватил какой-то припадок сил. Резко открыв дверь, он, чуть не добежав, выплеснул все содержимое желудка в раковину.

Стоя на скользком полу без тапок, он, опустив голову, боролся с отдышкой, пытаясь выровнять дыхание. Подняв голову, он посмотрел

в раковину. Там, в желтоватой склизкой жидкости, он увидел... песчинки. Сотни песчинок, и все они... светились.

Вернувшись в комнату уже окрепшим, он сел на диван и задумался, нахмутив брови. За окном было темно. Время потеряло для него всякий смысл, ведь только что он проснулся, постоял на лужайке, а теперь ночь. Сколько времени он просидел, пялившись в чертов камень?

Вернулась сестра, села напротив него на стул и всмотрелась в него.

– Он думает, это опухоль или рак – констатировала она, наконец, выдавив из себя эти ужасные слова.

Он зажмурился.

– Никакой это, к черту, не рак – бубнил он себе под нос – это ОН.

– Чего? Кто? – изумилась сестра – что ты там бормочешь?

– Где... – он замялся, размышляя, доверять ей или нет.

– Где... кто?

– Камень – сдался он, выдохнув.

– Камень?

– Да. Светящийся.

– Тот, на который ты пялился как ненормальный, когда я тебя нашла?

– Да, да. Он.

Она встала и обошла диван кругом. Он стал шарить по дивану. Оглядывая каждый угол, шаря пальцами по ковровину, она вдруг заметила слабый свет, идущий из-под дивана. Нагнувшись, она что-то заметила и просунула под диван руку. Он поднял одеяло и встряхивал его у кровати.

– Этот? – спросила она, вставая с колен, держа в руке предмет их поисков – Где ты его взял? Что это вообще? Он на батарейках?

Она держала его перед собой и разглядывала. На несколько секунд ее лицо стало непроницаемым, глаза опустели, стали матовыми, а рот приоткрылся.

– Дай сюда – он выхватил его из рук сестры и, стараясь не смотреть, сунул в карман – У тебя есть лопата?

– Ч-что? – переспросила она, запинаясь.

– Лопата, лопата! Скорее!

– Лопата? Ты совсем свихнулся?

Он схватил ее за плечи и стал трясти.

– Скажи мне, есть ли у тебя эта долбаная лопата? – кричал он ей в лицо, краснея. Вены на его виске и шее вздулись.

– Господи, да прекрати ты! – она безрезультатно пыталась вырваться, била его по рукам кулаками, но он не переставал

– Да! Да! Есть у меня лопата! Прекрати ты, наконец, меня трясти!

– Где?

– В сарае! В са-ра-е-е-е!

Ослабив хватку, выпустив обмякшую сестру, он бросился к двери и выскочил на улицу.

– Эй! – крикнула она ему вслед, но он не ответил.

Она бросилась за ним, но у двери поняла, что не догонит, и остановилась.

– Э-эй! – снова крикнула она, но он не услышал.

Облокотившись плечом о дверной косяк, она съехала вниз и закрыла лицо руками.

Он быстрым шагом шел по широкой и пустой улице. Прямо по дороге, на которой не было ни одной машины. В руках у него была небольшая садовая лопата – все, что он нашел в сарае у сестры.

Он шел на пляж, но, подумав, что там камень могут найти снова, свернул к лесу.

Он шел прямо по дороге. Редкие прохожие провожали его взглядами. Лопата вызывающе свисала, на нем был лишь халат, забрызганный зловонной рвотой и каплями крови. Быстрой, уверенной походкой он шагал, широко расставляя ноги, торопясь.

Резко завернув за угол, он столкнулся с прохожим, который хотел было накинуться на него, но, заметив лопату, отступил. Еще несколько бывших в это время в переулке прохожих расступились, прижавшись к стенам, пропуская его.

Выйдя на центральную, где всегда, особенно по вечерам, толпился народ, он смешался и затерялся среди людей. Однако и в толпе его сторонились – вид у него был совершенно измотанный, пугающий и жуткий. Он походил за зомби, восставшего из могилы, который сам вырыл себя из нее садовой лопатой.

Кто-то вдруг толкнул его, или он сам напоролся на чей-то локоть. Камень выпал из кармана и попрыгал на выложенной плиткой площади. Люди расступились, видя свет, и на время замерли, застыли, как статуи, не шевелясь, распахнутыми глазами вцепившись в источник света.

Он, видя все это, растолкал их, схватил камень, жмурясь, и сунул обратно в карман. Подняв глаза, он встретился с десятком взглядов, вопросительно смотрящих на него. Ничего не говоря, он развернулся и быстрым шагом покинул площадь.

Городок был небольшим, поэтому дорога не заняла много времени. Выйдя за его черту, он пересек поле, засеянное высокой рожью, пере-

йдя на бег. Рожь шумела, шуршала под ногами, волнами, как вода, расходилась от каждого прикосновения. Ветер развеивал волосы, забирался под халат, но он не замечал. Под ногами мягкая земля проминалась. Сунув руку в карман, он сжал камень.

Лес был совсем близко, как вдруг нога соскользнула, неправильно выгнулась, вывернулась. Резкая боль разлилась по лодыжке, поползла к колену и покалыванием прошла по бедру. Он рухнул, проехавшись по земле лицом, перекрутившись, примяв рожь. Он закричал. Голеностоп повис, обмяк и заметно опух. Он смотрел куда-то вбок.

Каждое прикосновение приносило ему дикую боль. Вправить вывих самостоятельно он не мог. Лопата выпала из его рук, и теперь он искал ее среди тонких стеблей, ползая, волоча за собой ногу.

Найдя, он так же, ползком продолжил двигаться к лесу. Это заняло больше времени, чем дорога от дома. Добравшись до первого дерева и схватившись за искривленный корень, торчащий из земли, он подтянулся, перевалился через него и стремительно полетел вниз. Снова резкая боль. Спина, плечи, голова. Нога ныла. Глаза слезились.

Преодолевая боль, он полз дальше. Втыкая лопату в землю, он опирался на нее и подтягивался, как альпинист, затем снова, и снова, и снова. Углубившись в лес настолько, чтобы поле с озером ржи еле проступало через темные стволы деревьев, он вонзил лопату в землю, перевернулся на спину и затих.

Грудь тяжело и быстро вздымалась и опускалась, он дышал ртом, закрыв глаза. Слюни брызгами вылетали при каждом судорожном, тяжелом выдохе. Он кашлял. Руки заledenели, кожа стала синей. Он практически не чувствовал прикосновений. Близилась ночь, в лесу было совсем темно. Лишь свет, пробившийся сквозь листву, местами еще не слился с тенью.

Отдышавшись, более-менее отдохнув, он приподнялся, сел на колени и стал копать. Небольшой садовой лопатой он врезался в землю, зачерпывал и выбрасывал за плечо. Раз за разом, движение за движением.

Вскоре солнце окончательно зашло, и лес погрузился в абсолютную тьму. Не видя рук, он продолжал рыть, пока это было возможно. Когда нет, он, остановившись на время, решил, сунул руку в карман и вытащил светящийся бледно-желтым светом камень. Положив его рядом, он продолжил рыть.

Глаза ежеминутно проскальзывали по камню, но он боролся, отводил взгляд и копал еще яростнее. Когда яма стала слишком глубока, так что лопата не доставала дна, он свалился в нее и продолжил копать.

В бледно-желтом островке света, посреди океана тьмы, окруженный деревьями, чьи тени, падая, резали края острова, делая его похожим на новогоднюю бумажную снежинку, он рыл и рыл до самой глубокой ночи.

Наконец, силы оставили его. Выбравшись из ямы, он взял камень в руку и последний раз посмотрел на него. Этот взгляд длился секунду, но он увидел все: в стеклянном осколке, в самом центре, бушевали микроскопические желтоватые песчинки.

Вытянув руку над ямой, он разжал пальцы. Камень медленно падал, вырывая из тьмы стенки ямы. Оказавшись на дне, он, почти невидимый, утонул во мраке.

Первые комья земли полетели вслед за ним, окончательно скрыв его. Сгребая землю из кучи, он кричал он напрог. Его нога все еще болела, вывернутая, кажется, сразу несколько раз.

Засыпав яму полностью, он пригладил горку и, выпустив лопату из рук, свалился на холодную землю. Как же он скучал по этой темноте. Как

же он жаждал ее. Спокойную, тихую, мрачную, но так необходимую темноту. Ни единого огонька, никакого бледно-желтого света. Отсюда даже звезды не были видны сквозь толстые слои листвы.

Только теперь он осознал, насколько сильна его усталость. Глаза закрывались сами собой, невольно. Все мышцы гудели, затвердели, пульсировали. Чувство легкости снова одержало верх над тяжестью, гравитацией.

Было жутко тихо. Ветер где-то там, в верхушках темных сосен, запутался в кронах и шумел. Но здесь было тихо.

Он вспомнил пляж. Накатывающие раз за разом теплые волны, белая пена, теплый песок. Умиротворение и спокойствие. Мягкий закат. Солнце. Прибрежный бриз, щекочущий ступни. Чайки, крикливые и тонкие, как галочки, на фоне светлого, голубовато-розового неба...

Открыв глаза, он не заметил ничего странного. Потолок, отбеленный штукатуркой, и люстра, качавшаяся на цепи – это то, что он видел перед собой каждое утро. Окно было приоткрыто, оттуда доносились приглушенные радостные голоса и детский крик. Шторы колыхались от незаметных порывов воздуха, заползавшего через окно в комнату.

Солнце. Полоски света медленно двигались по потолку и стене. Мельчайшие пылинки витали в воздухе. Во всем чувствовалось утро. А что делало его особенным, так это то, что в это утро не нужно никуда спешить. Некуда.

Потянувшись, он хотел было встать на кровати, но колая боль в ноге остановила его. Теперь он чувствовал ее ясно: стоит забыть о ней— и она уйдет, но как только вспомнишь— она раскроется, как цветок, накинется, демонстрируя всю свою силу.

Боль все крепчала. Не в силах терпеть, он зажмурился и протер глаза пальцами. Странно, но... что-то как будто было на них. Открыв глаза, он увидел жуткое зрелище. Руки были в грязи, в земле. Ногти были сорваны или изломаны в жуткие углы. Закопившаяся кровь и грязь смешались в одно общее месиво.

Через боль приподнявшись на локтях, он оглядел себя. Вся кровать была измазана мерзкими пятнами. В ногах он заметил лопату с застывшими кусками земли. Земля была повсюду. На полу, на тумбочке, на стенах. Нога, болевшая так сильно, неестественно изогнулась, а прямо на груди, совершенно чистый, блестящий, сияющий как никогда, покоился небольшой, светящийся бледно-желтым светом камень.

ХОЛОД

Через час налетел буран. Заснеженные вершины гор на горизонте смешались с задним планом, не имевшем в себе ни одного оттенка – все сделалось белым, виднелись лишь следы позади, которые исчезали быстрее, чем вздох сменялся выдохом. В своей легкой осенней курточке она ежилась и сгибалась в почти окружность, а я ничего не мог поделать, ведь и во мне тепла осталось меньше, чем нужно.

Костер давно догорел – последние бревна, которые то я, то она подкидывали со своей стороны, сидя напротив, замело, сровняло с землей. Последний огонек трясся, извивался в агонии, пока не сдался, исчезнув, упорхнув, как бабочка. Последнее воспоминание о тепле. Мы решили идти, хотя идти, по сути, было некуда.

Я не смотрел на нее. Временами мне казалось, что она давно отстала, что ее уже нет рядом, но, оборачиваясь, я видел ее обрамленные

ледяным узором губы, ресницы, слипшиеся в одну неясную ледышку, ее нос, на котором повисла еле заметная сосулька. Во мне просыпалось странное чувство, и я обнимал ее, хотя она, казалось, ничего не чувствовала, но не сопротивлялась. Это продолжалось недолго – я ощущал, как холодею, как коченеют ноги, как все, что осталось во мне, уходит, и потому размыкал объятия, шел дальше, снова не ощущая ее присутствия.

Я не чувствовал ног. И не знал, что чувствует она. Ее совсем скрутило: закрывшись, обняв себя руками, она зарылась в жалкий воротник куртки и не двигала головой, сгорбившись, смотря под ноги. Снег прибывал, как вода, наводнение. Идти становилось тяжелее – холод нарастал. Я боялся дотронуться до ушей – они легко могли обломиться. Пальцы затвердели – каждый раз, когда я хотел нежно провести рукой по ее лицу, это ранило ее.

Снег сбивался в комки и катался по равнине, буран, стеной сбивавший вбок, гонял их то туда, то сюда, собирая огромные комы, легко сбившие бы нас с ног. Толи в полубреду, толи от отчаяния и помешательства, мне захотелось скатать такой же ком. Я присел, зачерпнул застывшей ладонью снег, сжал его и принялся катать.

Липкий снег легко приживался к маленькому комку, и через пару минут я катил уже приличных размеров ком, не желая останавливаться. Но она вдруг подбежала и с разбегу влетела в него ногой. Развалившись на три куска, ком раскрылся, как цветок, но все же оставался довольно большим. И она принялась топтать его, бить по нему руками, прыгать, пыхтя и отдуваясь.

Я стоял на коленях, наблюдая, как созданный мною ком рушится у меня на глазах, не зная, какую эмоцию выбрать. Она, стоя на горстке притоптанного снега, все еще стучала по нему ногой, затем, закрыв лицо руками, подняла голову вверх, и я услышал тихие, судорожные звуки ее бесслёзного плача.

– Что ты творишь!? – вскрикнула она – Что ты твори-ишь!?

Резко повернувшись ко мне, она взяла с земли снега и швырнула в меня.

– Что ты творишь!? – повторяла она, швыряя в меня снег, как будто его было мало.

Она налетела на меня, сбила на землю и принялась бить.

– Мы должны идти! Мы должны идти! – повторяла она, продолжая побои – Мы должны-ы! – Она била и била меня, полагая, что мне больно, но я уже ничего не чувствовал. Я защищался, но

это, скорее, тело давало последние сигналы о том, что оно живо.

Неожиданно даже для себя я схватил ее за руки, приподнялся и закричал:

– Почему!? Почему мы должны!?

– Потому что мы должны идти вдвоём!

Она дважды ударила меня в грудь, закрыла лицо руками. Слезы не сочились сквозь пальцы – их не осталось. Только плечи слегка содрогались – я не знал, от холода или от горя.

И тут она схватила меня за воротник, подняла и обняла. Я сопротивился, вырывался. Я чувствовал, что отдаю ей свое тепло, которого у меня почти не осталось – глупо было бы умереть здесь, не правда ли? Я пытался, но не мог. Я ненавидел ее за это, но не мог ответить, не мог противиться. И когда попытки выбраться из ее хватки исчерпали себя, я смирился. Я сдался. И... стал чувствовать.

Я почувствовал тот огонек, что упорхнул с костра, который будто вновь зажегся, но не во мне, а в ней. И он грел меня. Грел так, будто бы все это время ждал момента, чтобы разгореться. Будто бы все это время чтобы согреться, мне нужно было согреть ЕЕ.

Она медленно разжала объятия, ее руки проскользили по моим плечам. Она встала, несмо-

тря на меня, развернулась, съежилась и, преодолевая сугробы, пошла. Я смотрел ей вслед, наблюдая, как ее силуэт исчезает в потоке колких снежинок. Слепив из снега маленький комок, я швырнул его в нее. И попал.

Мне вдруг сделалось смешно, а она все шла, не оборачиваясь. Я упал на снег и смеялся, мне надоело провожать ее взглядом. Все вокруг было чисто-белым. Все, что я чувствовал – это холод.

АФРИКАНСКИЙ СОН

Темнота. Осязаемая, как волокна, пронизывающие пространство. Яркие вспышки. Треск, шум, и тишина. Постепенно проступают еле заметные точки света. Скрежет металла, ярко-красный свет. Мигание фонаря на крыле Темнота. Ветер по телу. Мгновенные вспышки. Листы металла отскакивают и исчезают. Темнота. Лес. Кусты пламени на кронах деревьев, огненные змеи сползают по стволам. Ослепительное солнце вдруг исчезает.

Я падаю. В упругую темноту. В небо. Холодный воздух заползает под синие полосы на белой футболке. Моя красная кепка слетает с головы и медленно исчезает. Шуршащие шорты, носки, кеды. Бледная кожа рук, ног.

Легкие, через пух, огоньки. Линии освещенных дорог, домов. Высокая трава. Шелест бьющихся друг о друга стебельков. Острые ножи, роняющие ранения направо и налево, повинуясь порывам ветра. Черное, непроницаемое небо, шершавое и зернистое.

Трава растет, возвышается. Огромный глаз, точно против другого, на гигантской чешуйчатой морде. Зрачки неподвижны, как и сам его владелец. Надо мной, как статуя, на фоне темноты и высокой растительности, нависла туша гикона.

Вскочив на ноги, я бегу. Перед глазами мелькают темно-зеленые листья, калейдоскопами разбиваясь в фигуры: круги и квадраты, многоугольники. Завораживающее действие, прерванное внезапным беззвучным криком.

Из кустов мелькнула черная тень пантеры, сверкнув глазами. Оскалив зубы. Яркие пятна пронесшихся зебр. Рвущие тьму когти. Грива льва, отливающая золотом. Мелькание, психоделичная картина.

Погоня. В ночной темноте, сквозь острые бритвы зелени. Стая обезьян, крича, со всех сторон сопровождали меня, хватаясь за ветви, лианы. Шелест.

Я спотыкаюсь. Мое тело, в темноте, в черном пространстве, плавно опускается. Падаю на темные острые камни. Холодные кусочки скал. Огромные валуны рушатся, поднимая пыль. Скатываются с горы щебня. Стук. Размеренный стук.

Вглядываясь во тьму, можно различить лицо темного человека, играющего на флейте. По темным камням я ползу наверх.

Стук. Красная кепка спадает с головы и исчезает во тьме. Огромная рука, сжав рукоять молотка, ударила по скале. Раскаты грома, звон. Щебень сыпется ручьями. Молнии, вспышки, яркий свет, красные огни.

Мерцающие огни. Вибрация. Крыло разламывается на две части. Тряска. Крики. Скрип. Скрип плетёных кресел. Ожидание. Стрелки на часах медленно дергаются, отсчитывая время. Диван посреди тропического леса. Стол, и кресла. Обезьяны, пьющие чай. Листва, бьющая в глаза, растающие ножки стульев.

Стол и стулья посреди поля. Одинокое дерево. Тьма. Сотни огней, мерцающих меж облаков.

Свет в тихой комнате. Громкие голоса, тонущие в тишине, как свет во тьме. Часы, гремящие стрелки. Гикон, прилепив лапы к стене, чуть выглядывает, неподвижный, устремив взор в неизвестность. Лица, губы шевелятся, не произнося звуков. Только лишь скрип плетеных кресел.

Тону в глубине темных глаз. Яркие вспышки, красные огни. Красная кепка, которую я поднимаю с темной травы, выхватив ее светом ручного фонаря. Свет бледным кружком блуждает по поляне. Рывок вверх— и свет теряется в миллиардах подобных фонариков, светящих прямо с небес.

Яркая световая линия перечеркивает небо. Яркие вспышки, будто от фотоаппарата. Это лампа на самом конце крыла, что трясется, теряя свои части на лету. Все оно мерно покачивается то вниз, то вверх, то снова... вниз.

Шелест костра. Жаркие, тонкие искры. Раскаленные угли, черные угольки. Темная ночь, которой нет конца.

БЕЗ ДЕСЯТИ ДВЕНАДЦАТЬ

Он задернул шторы и посмотрел на часы.

– Без десяти двенадцать. Ложись...

– Нет – прервала она его.

Он опустил взгляд и отвел голову. Тяжелый, но еле уловимый вздох вытеснился из его легких. Не зная куда себя деть, что с собой сотворить, чтобы не чувствовать себя лишним, он подошел к полке и стал перебирать стоявшие на ней предметы. Комната была слишком большой, отчего казалась пустой и безликой.

Она сидела на расстеленной постели. Соединив руки вместе и перебирая пальцы пальцами, смотрела на них, или сквозь них, и о чем-то своем – думала.

Раскаленная лампочка светильника попеременно зажигалась сильнее, затем чуть тухла. А за окном – темно. Настолько, что кажется, будто сидишь под землей. Тишина шипела и потрескивала в ушах.

Он, у полки, поднимал с нее то одно, то другое, крутил в руках и тщательно осматривал, будто это очень важно— запомнить каждую деталь. Он выхватывал обрывки увиденного, а остальное забывал — все, что ему было нужно, это занять время.

Она это понимала. А он знал, что она понимает. И знал, что от этого ей больно. Но пока это не произнесли в слух — это ничего.

Игра в тишине.

Стук. Не в дверь. Один резкий стук, утонувший, захлебнувшийся, ничего не обещающий, ни на что не намекающий и ничего не означающий, ни на что не претендующий. Это он поставил обратно на полку очередную африканскую фигурку слона.

Она посмотрела в сторону от него и смущенно провела рукой по предплечью. Он сунул руки в карманы и обвел взглядом письменный стол. Заметив на нем еще одни часы, он поднял их, всмотрелся в крошечные стрелки, бегущие по кольцу каждая в своем темпе, и небрежно поставил их обратно. Прошло всего несколько минут, но обоим казалось, что больше, намного больше времени утекло.

Неловкость — вот что было в каждом его движении. Неловкость и... извинение. Он чувство-

вал себя виноватым, хоть и не хотел. Подойдя к окну и взглядевшись во тьму, он хотел было что-то сказать про небольшую группку людей снаружи, но она снова прервала его.

– Слушай, я знаю – сказала она – Я знаю. Знаю.

– Знаешь?

– Да.

Он опустил голову, пытаясь скрыть проступившую улыбку. Уголки его губ напряглись и искривились. Появилась еле заметная ямочка на левой щеке.

Она смотрела прямо на него, иногда переводя взгляд на что-то совершенно иное или опуская его на собственные руки, что все еще теребили что-то.

Придав лицу спокойное и размеренное выражение, какое оно всегда принимало в ситуациях напряженных и неудобных, он встал в центре комнаты и отвернул голову в сторону. Мысли витали вне черепной коробки и искажали все пространство вокруг.

Взгляд его блуждал в поисках хоть чего-то, за что можно было зацепиться, ухватиться и не отпускать, на что можно упереться. Ее взгляд застрял на ботинках в прихожей, на его лакированных черных ботинках.

Оторвавшись, она вновь вернулась к привычному состоянию разглядывания собственных рук, но лишь на секунду. Она потянулась за выключателем, и свет в комнате наполовину погас. Забравшись на кровать, она подтянула к себе скомканное одеяло и забилась к стене.

Он наблюдал за ней, облокотившись на стол. Так было намного проще— когда знаешь, что она не смотрит. Его голова сама собой вновь опустилась, взгляд примостился на ногах, и он снова ушел. В мысли.

Ее плечи вдруг вздрогнули, но лишь на секунду. Взяв себя в руки и стерев проступившие слезы с глаз, она произнесла столько теплых слов и столько жестоких ругательств, столько нежности, любви и ненависти было в ее словах, столько благодарности и столько обиды. Все эти слова она проговаривала внутри себя, не решаясь выставить их на свет. Она бы и не смогла. Да и нужды в этом не было. Вместо этого она произнесла лишь:

— Ляг со мной — голос ее чуть дрогнул —, Пожалуйста.

В его груди расплылось странно чувство. Будто холодный нож вонзился прямо в грудь. Все из-за ее голоса. Из-за одной нотки, не уловить которую было невозможно.

Он, не снимая костюма, послушно забрался на кровать и лег на спину на своей половине. Шорох простыни, одеяла, одежды – все, что отделяло их от звуковой пропасти, в которую они снова погружались. Он не двигался. Боялся пошевелиться и нарушить этот сокровенный момент. Она тоже лежала неподвижно, на левом боку, оперевшись в стену.

Редкие всхлипывания пробуждали его. Она так устала, но так не хочешь погружаться в забытый сон. Еще хоть немного, хоть чуть-чуть этой боли, связующей их.

Пауза слишком затянулась, и кто-то – они оба понимали это – должен был нарушить ее.

– Что делаешь? – спросила она вдруг.

В ее голосе все смешалось, сейчас в нем была даже усмешка. Не над ним – над самой ситуацией. Та, что сама вырывается из живота, когда люди говорят об очевидных друг другу вещах.

– Я... засыпаю.

– Да... Да, конечно, спи. – она и сама еле сдерживала веки – но... если ты заснешь, ты же скажешь мне?

Он помолчал.

– Конечно, скажу.

Она поудобнее расположилась на боку. Он долго вертел головой на подушке, а потом затих.

Практически в темной комнате, с полузакрытыми глазами она все хваталась за этот отрывок забытой истории, всплывший неизвестно откуда и неизвестно зачем.

Еще чуть-чуть, еще пару минут не спать, не забываться. Еще немного, не чувствовать – знать, хотя бы знать, что он рядом.

– Я так не хочу засыпать – проговаривала она тихо, почти шепотом – ведь я знаю, что если засну – утром тебя не будет.

Она осторожно обернулась. Он лежал на спине, голова была повернута от нее, а глаза – не ясно, были ли они открыты. В темноте все смешалось. Она положила голову на подушку, закрыла глаза и, сжимая веки, старалась сдержать то, что сдержать невозможно.

Совсем темно. И засыпать... больно.

ПЧЕЛЫ И БАБОЧКИ

Я проснулся от жужжания пчел. Стоял жуткий гул: толстый непроницаемый звук заполнил все пространство. Как будто пчёлы стали вместо воздуха – вот такой был звук, только чуть приглушеннее. Взглянув на солнце, слепившее глаза, я поднял руку и закрыл его. Оно приятно грело, а ветерок смахивал излишний жар. Прекрасно.

Мимо руки промелькнула пчела. За ней еще одна, и еще. Погода чудесная, денек что надо. Ни одного облака на небе – все голубое, как озеро. Кто-то плавает, хотя табличка: «Не плавать». Я тоже плавал, чего уж там. В такой денек – то, что нужно.

Чего-то вдруг подумалось: что там, за голубизной? За поверхностью, за этой гладью. Любое озеро имеет дно и то, что между ним и поверхностью. На что-то ведь я смотрю сейчас, не просто в пустоту. За ней – оболочкой этой – звезды, планеты.

Какой-то парень рухнул рядом со мной и тоже стал смотреть на небо. Так непрерывно,

что мне не по себе стало. Смотреть в его сторону не хотелось, и я не смотрел. Это ведь мой выбор – смотреть или нет. И если он ждет чего-то – это его выбор. А я не обязан.

Снова пронеслась пчела. Уже сотни пчел проносились над головой. Я протянул руку, чтобы поймать одну, и сразу поймал. И, похоже, раздавил – она лопнула. Не думал, что в пчелах столько крови. Раскрыв ладонь, я ее даже не нашел. Только...

Только вот каким-то невообразимым образом я смог увидеть свою ногу. Ботинок. Через руку. Через дыру в ней. Все звуки слились в одно протяжное гудение. Левое ухо не слышало ничего. Я выпрямился, стряхнул с плеча пыль, или грязь, или землю... или кого-то из своих. Подняв глаза, я на секунду различил сквозь странный серый туман тонкую линию горизонта. Через секунду земля передо мной, как озеро, в который кинули валун, медленно просела, а потом, подобно гейзеру, устремилась вверх.

Меня отбросило, прижало к земле и засыпало. Я чувствовал мельчайшие крупинки на языке и зубах, в ботинках, за шиворотом, в штанинах, в глазах и волосах.

И еще раз. Гул, земля, все на меня. Я чувствовал, как почва содрогнулась и сместилась, как

волна. И меня накрыло брызгами. Меня просто вытолкнуло из окопа в другой. Я свалился, приземлившись на плечо, и какое-то время еще слышал жужжание пчел, запах цветов и свежесть утра. Протянув руку, я нажал кнопку будильника, как обычно это делал каждое утро, просыпаясь на правом боку в своей кровати. Обычно на тумбочке стоял стакан воды и шоколад. Я обожал шоколад с водой.

Будильник не умолкал, пока я не увидел серое, окаменелое лицо перед собой. Его глаза застыли на чем-то позади меня – он меня даже не видел. Я бил его рукой по каске. Рукой – я понял это гораздо позже – рукой, пробитой насквозь.

Отпрянув, я странно уставился на него. Не зная, куда идти, что делать, я, почему-то, подумал, что нельзя оставлять его вот так, здесь. Мне было странно смотреть на него и я не знал, как относиться к нему. Можно ли в его присутствии вести себя так, будто я один, или стоит проявить уважение к туловищу... в смысле, телу.

Странно, но он был... нормальным. Его голова была на месте, в ней не было дыр, явных повреждений, пулевых отверстий, как и на теле – тоже ничего. Цел. Но...

Что он потерял? Я искал это в его лице, но оно было обычным, человеческим. Все было в

норме, только глаза выглядели неестественно. Казалось, не будь у него глаз – он выглядел бы более живым, чем сейчас. Хотя, на сколько живым он мог выглядеть, если он мертв? Или, может, насколько мертвым? Естественно, человек без головы кажется более мертвым, чем человек без видимых повреждений.

Все эти мысли вовсе не были ими, они всплывали во мне вроде неких ощущений. Я не думал в тот момент, у меня жутко гудело в левом ухе.

Я посмотрел на его форму: серая, или зеленая, или коричневая – фронт все цвета сводит к одному – цвету грязи и крови. Кстати, не всегда кровь твоя. Может, она того парня, что недавно подорвался рядом с тобой. Или того, кого ты держал на руках, когда он, истекая кровью, трясущимися руками сжимал твои и, выплевывая кровь, молил тебя передать его последнее послание матери. Или это кровь мальчишки, ушедшего отстаивать интересы своей родины, которому не повезло лишь в том, что ты убил его, отстаивая интересы своей. Возможно, это кровь не одного лишь человека, а нескольких – ты таскаешь на себе частички совершенно разных жизней, историй, воспоминаний...

Его форма была обычной солдатской формой. Сравнивая ее со своей, я не мог найти хоть

сколько-то значимых отличий. Нагрудные карманы, один из которых был застегнут, а другой – открыт нараспашку, потому что пуговицы не было, воротник с острыми концами, линии, погоны, каска. Все как у меня. Только каску я потерял.

Рассматривая его, мне вдруг, стыдно признаться, захотелось полазить у него в карманах. Мне всегда было интересно, что происходит в чужих карманах. В чужой жизни. Карманы – важная часть жизни человека. Никогда и не подумаешь, а попробуй купить брюки без карманов – будешь чувствовать себя девчонкой в юбке на школьном балу выпускников. В карманы, особенно солдатские, особенно в нагрудный левый, клали все самое необходимое на случай, если до рюкзака не достать.

Я не решался. Я просто лежал на земле, приклонившись спиной к стенке окопа, не шевелясь. Это было труднее, чем начать бегать по утрам. Не мог. Никак. Все конечности затвердели. На секунду мне подумалось, что в своем положении я ничем не отличался от моего нового мертвого друга: не двигаюсь, пялюсь в одну точку.

Кстати, очень даже хорошо, на мой взгляд, что мы не были знакомы с ним до его прискорбной смерти. Если бы так, мне было бы жаль его. А сейчас... А что сейчас? Почему бы мне не по-

жалеть его сейчас? Конечно, это бессмысленно, и вряд ли он оценит мою заботу о нем, но, черт возьми, разве человек должен что-то значить для тебя, чтобы ты относился к нему, как к человеку? А если бы он не был мертв? Если бы он встал, отряхнулся, метнул пару взглядов по сторонам и оказался отличным парнем? Если бы мы не упустили возможность познакомиться – кем бы он был? Разве нет у него всех шансов понравиться мне как человек? Как друг? Разве не мог он стать тем, кто был бы значим для меня? Почему нет?

Я слишком призадумался и совсем забыл, где я нахожусь. Как будто специально для меня, чтобы встряхнуть и напомнить мне, что я не на прогулке, рядом с нами... со мной... Разорвался снаряд, за которым, кроме еще большего гула в ушах, последовали рев моторов. В небе проскользили, как на коньках, несколько самолетов.

Вдалеке, как будто бы звучащие и до этого, вдруг проступили выстрелы. Их звук выделился из остального шума. И я зевнул. Широко открыв рот, почувствовав натяжение на уголках губ, вобрав в себя воздуха, я почувствовал, как уху стало чуть легче.

Меня окатило холодной землей. В многообразии звуков, шумов, очередей я осознал, как

прекрасна была тишина. Пулемет не замолкал, тарабанил, как старуха на рынке, припечатывал тело за телом, растрачивал пули. Автоматные выстрелы слышались реже. Еще реже – глухой, надрывный звук, как хлопок, и дрожь в земле.

Перевернувшись на бок, я попытался встать, но, наконец, почувствовал какой-то отголосок боли в руке. Должно быть, шок. Вернувшись в прежнее положение, я осмотрел окоп на предмет аптечки. К сожалению, предусмотрены они не были. Нужно было перевязать рану – я, конечно, не врач, но в этом был уверен.

Тогда-то я и увидел на своем новом друге отличный шарф, которым была обвязана его синяя шея. Я подполз к нему вплотную, дернул за рукав и пристально взгляделся в глаза. Мне показалось, он не против.

Стянуть с него чертов шарф оказалось намного сложнее, чем получить это согласие. Мой друг оказался весьма напряженным парнем – как вылитым из железа.

Разорвав шарф и обмотав им руку настолько, что не мог шевелить пальцами, я сел рядом с ним и стал шарить по грудному карману в поисках сигарет. Нащупав помятую пачку, достав из нее пожелтевшую сигарету, я зажал ее губами. И тут – на сигарету, торчащую из моего рта, села одна

из тех шумных пчел. Меня снова накрыло волной холодной земли, я почувствовал, как она собралась за воротником и потихоньку пролезает все ниже и ниже.

Рука потянулась, чтобы смахнуть черный пушистый комочек с сигареты, а потом дрогнула, затряслась, и я услышал крик. Шарф был порван и испачкан. Пчелы снова жужжали, а ночь приближалась настолько быстро, что глаза не успевали закрыться.

Ночной дождь колотил по натянутой парусине. Колонна грузовиков, набитых солдатами, остановилась. Приказ ротного – переждать, чтобы не потонуть в грязи.

Нас было около двадцати двух с половиной. Каждый, обняв свое ружье, спрятавшись в шинели, неустанно смотрел на черную коробку, исполосованную решеточкой, а слева – кнопки. Из крышки торчали две антенны – одна была длиннее, другая – короче. Коробка шипела, гудела, периодически выплевывая нам какие-то отрывки человеческой речи, а затем заглушала их шумом, тресканьем. Кто-то постоянно крутил кнопки, пытаясь поймать сигнал.

Из каждого переменно вырывался глубинный кашель, надрывный и жуткий. В углу, забросан-

ная теплыми одеялами, лежала половина. Она стонала, но будто бы ни для кого. Ничего не ожидая и не моля о помощи. Так, будто остальным это было не нужно. Стонала, потому что не могла иначе, и с каждым стоном из груди вырывалось извинение за этот самый стон.

Шум радио, настроенного на пустую волну, забирался каждому в уши, каждый, вылупив глаза и уставившись на черную шумящую коробку, не двигался, молчал и не дышал. Огрубевшие грязные пальцы крутили кнопку, ища ту самую, но все тщетно. Не было слышно ничего.

Я заметил, как парусина в конце вздрогнула, чья-то спина исчезла во тьме, отблестнув мне мокрыми каплями. Теплые огоньки зажглись там, под дождем, и тихое бубнение. Я встал, держа в руке ружье, и, пробираясь через ноги, спины, конечности, все еще принадлежащие единому телу, пробрался к выходу.

Отдернув ткань, вдохнув свежий воздух, я спрыгнул и медленно подошел к двум солдатам из моего отряда. Они курили, и я, достав сигарету, попросил огня и закурил. Мы молчали, как обычно это бывает, и дождь покрывал по кепкам и плечам.

Длинная линия точно таких же, как у нас во рту, огоньков, выстроилась на дороге. Было

тихо, а вдали шумел гром... Или не гром.

– Всем насрать, что тут происходит. Поверь – медленно проговорил один из солдат, выдувая дым из легких, продолжая, видимо, прерванную мной беседу.

На горизонте сверкнула вспышка, осветив тучи, за ней еще, и еще, и еще. Приглушенные хлопки, будто-бы кто-то хлопал в ладоши, доносились до уха. Оглянувшись, я клянусь, увидел солдата, хлопающего в ладоши и смотрящего прямо на меня. Винтовка его была занесена назад, а каска прижата к животу.

Как это водится, разговор долго не продолжали. Говорить об этом не хотелось, ведь, если так, получается, все это зря.

Тогда заговорил второй. Его речь, поврежденная контузией, его изрытое впадинами лицо, освещенное сигаретой, зажатой в зубах, его грубый голос и безэмоциональность в эту ночь казались... ничем.

История его никоим образом не соотносилась с тем, что сказал первый солдат. Речи здесь, как я заметил, всегда обрывочны и самоличны – здесь, на войне, говорят лишь для того, чтобы не думать об этом.

– Родина... – задумчиво сказал первый, найдя минутку, подтверждая мои слова.

История солдата была короткой, обрывистой и грубой, неясной и сумбурной. Он говорил просто, невпопад и неизвестно зачем. Он рассказал о том, как его корова родила троих телят, и одного съела.

– Но зато как любила оставшихся двух! – сказал он с восхищением.

Длинная и странная история.

Хлопки продолжались еще долгое время, пока солдата не срубила чья-то пуля. Он рухнул топориком и больше не двигался. Каска скатилась в канаву и плюхнулась в воду, скопившуюся там из-за продолжавшегося дождя. Оказалось, он был не наш. Не наш солдат. Но солдат ведь...

– Хотя на секунду бы заткнулись... – пробормотал второй, перебросив задумчивый взгляд с немого тела солдата на сверкающий горизонт– сколько еще длиться этой войне– то ли он спрашивал нас, то ли просто повесил вопрос в воздух, не ожидая ответа, то ли просто сетовал, никто так и не понял.

– Она не закончится – первый покурил совсем уже крохотную сигаретку – ее огонек, на ряду с еще тремя огоньками стоявших рядом солдат, к тому же и двух проступивших сквозь дым и тучи на небе звезд, выстраивался в созвездие большой медведицы.

– Скажешь тоже – буркнул солдат, только подошедший к нам.

– Она и не начиналась. Она длилась все это время. А то, что идет сейчас – просто уже ни к чему бумаги, договора и политика. Уже не нужно притворяться, сечешь? Все мы на самом деле ненавидим друг друга, и вот – у нас есть шанс показать всю свою ненависть. Выплеснуть ее, как эти вот – и он мотнул головой в сторону огней – смотри как беснуются, засранцы. Отмачивают что надо. Бьют по деревне. И рады.

Наступила тишина. Сейчас эти легкие огоньки казались уже чем-то жутким, необратимым и жутким.

– И ведь знаешь – начал он чуть более оживленно, наконец решившись выговорить давно засевшую в голове мысль – Никаких зазрений совести. Потому что это не они, это... Потому что они... Палачи – они не выносят...

Тут из грузовика слышались голоса, один из которых был громче всего. Тут же высунулась чья-то голова с тихим криком: «Поймал!». Все, забыв о разговоре, помчались туда. И я с ними.

Душный воздух из замкнутого пространства хлынул в легкие, запах мокрой резины, пота и грязи. Все затихли, оперевшись на ружья, и слушали хрипящий и шипевший голос из динамика.

– На сегодняшний день положение... Пш-ш-ш... итать довольно стабильным. В целом, по мнению экспертов, та... Пш-ш-ш... – огов прошлого столетия, возможен небольшой... Пш-ш-ш... – долгая пауза, шипение. Один из солдат покрутил приемник – Пш-ш – цендент с зарубежной балериной прокомментировал односложно: когда я... Пш-ш-ш... – ение отклонил. Дальнейшее общение не предполагается... Пш-ш-ш... – в северной... – Пш-ш... – в среднем от нуля до пяти градусов по Цельсию, а вот юж... – Пш-ш-ш...

Шипение приемника. Изредка он выплевывал смутные обрывки фраз и голосов, но больше – ничего. О нас – ничего.

Лишь через двадцать минут мы смогли поймать обращение президента к народу. В одном небольшом городишке на линии фронта, совсем близко к горячей точке, взорвалась булочная. Когда разбирали завалы, обнаружили остатки боевого снаряда. Бомба противника, видимо, взяла чуть левее и промахнулась.

– Мы полностью... – Пш-ш... – отрицаем возможность теракта. Скорее всего... – Пш-ш-ш... – имело место быть банальное... – Пш-ш-ш-ш-ш... – газопровода или нагревательных систем...

Проще говоря, никто и не догадывался, что бы это могло значить. На вопрос о том, возмож-

на ли связь взорвавшейся булочной и продолжительных боевых действий вблизи городка, глава страны ответил односложно:

– Что?

На повторный вопрос он заявил, что никаких боевых действий не проводится, или он, по крайней мере, о них не осведомлен, и что вопрос очень глупый и плоский.

И снова тишина. Никто и с места не двинулся, только глаза сами собой опустились вниз. Было слышно, как мысли зашевелились в черепных коробках.

– Ну и ублюдки – проговорил кто-то медленно и злобно, выделяя каждое слово.

Он схватил радиоприемник, покрутил его в руках, буркнул что-то злобно, и разбил его об пол. Детали разлетелись в стороны. Наступила тишина. Все затихли, и, не роняя ни слова, синхронно и медленно обернулись к половине в углу. Она больше не стонала.

Сырая земля во рту, крохотные частички между зубов, на языке, в волосах, в носу, в глазах. Рука с пробитой дважды дырой. Я сидел и смотрел через нее на все, что происходило.

Солдаты стремглав неслись куда-то, крича, раскрыв рты. Точно так же они падали на землю,

с так же открытыми, искривлёнными ртами, лицами. Взрывы, как цветки, мгновенно распускались и тут же увядали, опадали все листья, и от них ничего не оставалось.

Среди всего этого хаоса вдруг заиграла музыка. Hallelujah. Не знаю, посею именно она, но под эту песню, играющую в полной тишине, все казалось нереальным, а это как раз то, что нужно.

Сидя я наблюдал, как в такт мелодии человеческие тела подбрасывает вверх, как медленно они падают на землю, извиваясь, словно платки на ветру, изламываясь в совершенно немыслимые позы. Как комья земли подпрыгивают, падают, и снова.

Среди всего этого хаоса я заметил своего старого друга. Вернее, он еще был молод... Хотя, как назвать это состояние? Когда ты молод, но мертв – старше ли ты молодых, но живых?

Его взгляд, как обычно, впился в меня. Не впился, а, скорее, уперся. Он ничего не выражал. Ни-че-го.

Сознание происходящего постепенно возвращалось. Нужно было признать, что он мертв. Мертв окончательно. Без каких-либо снисхождений.

В небе пронеслись несколько самолетов, разорвав в клочья темные тучи. Тут же, совсем

близко, по обе стороны от него, прогремела череда мощных взрывов. Приглушенные хлопki где-то позади. Дрожь земли, ощущаемая все сильнее.

Солдаты понеслись в атаку, перепрыгивая через окоп, не глядя вниз. С бегущих я переместил свой взгляд на неподвижно сидящего напротив меня. Он покачивал головой и то улыбался, то снова становился непроницаем. Земля дрожала, мелкие камушки подпрыгивали на ней, как мячики.

Мне вдруг стало его жутко жалко. На него ведь смотреть невозможно— самый грустный мертвец из всех, кого я видел. Нельзя оставлять его здесь. Я не смогу.

Осмотревшись вокруг, я нашел отличное место. Поле, затянутое легким туманом. Да, периодически на нем разрывались снаряды, и трупов было достаточно, а ещё все время кто-то бежит и кричит. Но ведь это снаружи, а там, под землей, все намного спокойнее.

Мне и самому захотелось укрыться этим полем, как одеялом, и, наконец, заснуть. Я приподнялся, и тут же, прямо тут же все вдруг вспыхнуло. Где-то справа, все справа. Ветер хлынул слева, и земля перекрутилась на 90 градусов. Я оказался на земле. И на мне тоже была земля. В правом

ухе вата. Время превратилось в вязкую, тягучую смесь. И пчелы вновь закружили.

Все, что я делал на этой войне – это падал и вставал. Все кружилось вокруг. Пчелы жужжали прямо над ухом, иногда до невыносимого громко. Они мешались под ногами, сбивались перед глазами, так что я ничего не видел.

Что-то рухнуло рядом со мной. Оглянувшись, я понял, что это был солдат. Вскоре упал и второй, и третий. Как будто кто-то швырнул их о землю, как будто бы с неба. В неестественных позах, они так и остались там, неподвижны.

Устояв на ногах и доковыляв до своего старого друга, я схватил его за воротник, некоторое время решался, пытаюсь поймать равновесие, а потом резко вырвал его из земли. Вот только сам свалился на спину, а он – на меня.

Я что-то пробормотал, кажется, это была шутка, и спихнул его с себя. Он покорно рухнул рядом со мной и молчал. И мне снова пришлось подниматься.

Он оказался жутко тяжелым, и вытащить его из окопа было весьма проблематично. Особенно печалила абсолютная безынициативность с его стороны.

Когда он оказался на поверхности, я вздохнул с облегчением. Стоя рядом с ним на коленях

и переводя дух, я осматривал его форму и почувствовал, что кто-то треплет меня по плечу и бьет по щекам. Подняв взгляд, я увидел солдата, кричащего мне что-то прямо в лицо. Но я ничего не слышал.

Он бил лежащего между нами и показывал на него пальцем, что-то раздраженно выкрикивая, бил меня по голове, но все это было так смешно и странно. Он встал, недоброжелательно смотря на меня, и с силой пнул моего друга.

Мимо него промчалась пчела, его голова резко дернулась, и он, как срубленное дерево, рухнул на землю.

Из земли распускались черные цветы. Огромные, всего за несколько секунд, тут же увядая. Распускались, рассыпались и падали за землю крохотными частичками. Их сбрасывали самолеты. Они, видимо, сбрасывали семена, а цветы, попав в почву, тут же расцветали. А пчелы садились на них и разносили пыльцу.

Все было так чудесно, что мне стало жутко жаль своего нового старого друга. Ведь он не видел ничего из того, что творилось вокруг, когда это творящееся так чудесно, так странно и прекрасно.

Я потащил его дальше, схватив за воротник, так что его руки поднялись вверх, а сам он не-

много провалился в свою форму. Черно-бело-серую форму. Со всякими значками, которые немного, совсем немного блестели.

Он выглядел бы достаточно молодо, если бы оттенок его кожи не был чуть светлее земли или его собственной формы. Его слегка волнистые волосы были зачесаны на бок, круглое лицо, широкая челюсть с легким жирком, как будто подростковым. Глаза закрыты, узкий рот приоткрыт, в нем — пара передних зубов.

Безвольная туша.

В небе снова пронеслись самолеты. Все вокруг вдруг сделалось серым от дыма и пыли. Небо почернело. Шум, и треск, и металлический скрежет — все в одном чане вперемешку с ветром, криками и биением сердца.

Я все тащил и тащил за собой эту тушу. Вспышка. Тьма. Капли холодного, сухого дождя накрыли меня с головой. Все вскружилось, вынесло меня из вне вовнутрь, изгибы, точки, пунктир. Сотни огоньков, одна точка, пучок света, кружащий вокруг, как в планетарии.

Огромный цветок вырвался из земли и расцвел лишь на миг, чтобы обрушиться на меня, прямо передо мной. Меня отшвырнуло в сторону. На пару секунд я выпал из самого себя, чувствуя себя как на аттракционах, что разгоня-

ются, раскручиваются, а потом резко останавливаются и крутятся снова.

Снова звон. Пчелы. Жужжание. Вязкий, как мед, мир. Мир, наполненный медом. Мир, состоящий из меда.

Я поднимаюсь. Взгляд выхватывает обрывки фотографий, тлеющих в огне – обрывки войны. Вокруг ни души, лишь серая, изрытая кратерами земля. Дым, тучи, небо. Тела, машины, оружие. Мой друг. Я, шатаюсь, бреду, падаю, хватаю его и снова, судорожно тащу за собой. По земле за ним волокутся тонкие полосы, жидкость. У него нет ног. Нет ничего ниже ребер.

Я не могу сфокусировать взгляд. Все плывёт, выливается, ерзает. Руки, сжимавшие воротник, ослабевают. Ноги подкашиваются, я падаю на спину. Тучи, подергиваясь и расплываясь, попадая в какие-то пятна, плывут сами по себе.

Повернувшись, перевалившись со спины на руки, которые тряслись. Пытаясь встать на четвереньки, я не смог, и рухнул на холодный грунт. Чувства кипели в переизбытке или кричали о своем недостатке. В один миг я мог ощущать бессилие, в другой я готов бежать, в следующий мною овладевает апатия.

Я стал ползти вперед. Не знаю, что двигало мной. Ни о чем не задумываясь, я просто полз.

Мне казалось, вокруг творится нечто неопишное. Хаос, потусторонний мир, излившийся в наш каким-то невообразимым образом. Затуманенный взгляд не мог различить, где человек, где машина, где обломки, а где земля.

Пули свистели. Пчелы жужжали.

Когда мы вошли в полуразрушенный город, он казался необитаемым. Из всех прежде живущих здесь осталось не больше двух-трех процентов, все остальные погибли при бомбежке. Оставшиеся были рады видеть солдат, сражающихся за их свободу и спокойствие, хотя сами мы так и не поняли, за что сражались.

Мы обосновались в еще целом, некогда жилом доме, правая часть которого была практически в руинах. Некоторым из наших досталась комната с расширенным окном – попросту не было стены. Сбросив вещи, я решил побродить по пустынным улицам.

Городок был небольшим, и обойти его весь не составило бы большого труда. К тому же, ротный приказал осмотреться, приметить позиции для снайперов и пулеметов на случай атаки или защиты.

Белоснежные руины, улицы, засыпанные кирпичной крошкой, обломками стекла и прочим

мусором. Завернув на перекрестке за угол, я услышал стук. Будто кто-то гремел жестяными банками или стучал по газовому баллону. Прерывистый металлический стук.

Я ускорил шаг, оглядывая каждый поворот, заглядывая за каждый угол, и вот, выскочив на соседнюю улицу, я увидел парнишку. Он был в широких брюках на подтяжках, в шапке с козырьком, а маленькие ручки сжимали тонкую водосточную трубу. Он с силой бил ей по чему-то темному, лежавшему посреди улицы.

Чем ближе я подбирался к нему, тем сильнее возрастала моя уверенность в том, что этот темный, неясный предмет походил на снаряд. Мальчик яростно долбил по нему трубкой. На миг он остановился, вытер пухлой ручкой пот со лба, выпрямился, встав во весь рост, ухватив свое орудие двумя руками, и занес его над собой.

Теперь я был как никогда уверен, что лежавший перед ним предмет — неразорвавшаяся бомба.

Я вздрогнул, дернулся, раскрыл рот, чтобы окликнуть его, как вдруг он что есть мочи вклепил по крышке снаряда. Раздался взрыв.

Раздался взрыв. Холодная земля окатила, накрыла, укутала. Я полз по промерзшей, изуро-

дованной, перепаханной земле, хватая руками горсти. Мое тело превратилось в механизм, движения стали отточенными и больше походили на рефлекс. Все это больше походило на рефлекс, чем на жизнь.

Я не чувствовал своего собственного тела. Чувствовал лишь усиливавшиеся толчки от рвущихся бомб. Все дрожало. В ушах стоял дикий гул, от которого их закладывало и я мог чувствовать, как внутри что-то хлюпает.

Все еще полз. Ощущение реальности сбилось, все казалось глупостью, сном, абсурдом, невозможностью.

Моя каска врезалась во что-то. Я поднял голову, и передо мной возникло темное, измазанное грязью лицо. Форма моего старого друга. Лицо смотрело на меня, а я на это лицо. Мы оба молчали, не находя, что сказать друг другу. Оторвав взгляд, я с трудом начал обходить его, а он, в свою очередь, меня. Мы разминулись, я больше ничего о нем не знал, я полз дальше.

До того, как выехать из города, в ночь жители решили устроить прощальный вечер. На небольшой городской площади, освещенной лишь светом кафешек и парой фонарей, играла музыка. Не больше двух десятков выживших собралось

почти в полном составе.

Женатые пары стояли, приобнявшись, или танцевали, кружились по площади, улыбаясь и смеясь. Дети крутились вокруг них, прыгали, визжали. Некоторые приглашали солдат на танец. Я отказался и смотрел на происходящее со стороны.

В этом уютном, полном умиротворения моменте почти не чувствовался привкус войны. Кажалось, она совсем не затронула эту крохотную частичку жестокого мира, охваченного ненавистью и злобой.

Я прислонился плечом к белой стене городского совета и наблюдал за пожилым мужчиной, который кружился один. Музыка сменялась другой, все новые лица, тела пополняли ряды танцующих, кто-то удалялся, а он продолжал нарезать круги, как земля вокруг солнца и своей оси. Раз, два, три... Раз, два, три...

Этот такт напоминал мне строевой марш, когда мы, выстроившись по линейке, задрав подбородки шагали в ногу по плацдарму. Холодный дождь, крик ратного. Так странно было вспоминать это сейчас, в этом крошечном городке, где все так спокойно и правильно.

Мужичок худощавого телосложения, в потрёпанном сером в клеточку костюме, шляпе и

с добрыми усами, должно быть, остался совсем один. Никто не обращал на него такого внимания, как я. Все давно свыклись к это одиноким причудам.

Это замкнутое пространство ветхой площадки напоминало мне о доме. О моих стариках, об их старой разжиревшей кошке. Я, почему-то, никак не мог вспомнить свою комнату, в которой прожил четверть века, не мог вспомнить лица своей младшей сестренки. Она была совсем малышкой, когда я ушел. Мы с ней так и не успели стать лучшими друзьями...

Старичок все кружил, а по моей щеке вдруг пробежало что-то мокрое. Мне совсем не было больно, мне не было грустно. Что-то случилось тогда со мной. Или это случилось уже давно, но лишь тогда я это понял.

Я отвел взгляд. Смотрел на крыши, из-за которых уже проступал еле заметный рассвет. Взгляд пробежал по стареньким окнам, стенам, треснувшим от постоянной встряски, и опустился на улицу, на небольшую группу солдат.

Все они расслабленно и просто перебрасывались какими-то фразами и смеялись. Казалось, я впервые видел их такими спокойными.

— Идемте танцевать!

Я вздрогнул, почувствовав, как мои руки не-

терпеливо схватили и потянули к себе. Молодая девчушка улыбалась и звала меня на площадь. Засмутившись, я ответил ей, кажется, слишком резко и грубо, но она, не желая омрачать себе вечер моими словами, понеслась к другим.

Теперь мое внимание захватила она, ее смех, ее звонкий голос, зазывающий всех потанцевать с ней. Она подбежала к группе солдат. Они уставились на нее с ожиданием и надеждой. Она повторила свое предложение, а они засмеялись и стали пихать в бока солдата, смущенно опустившего голову. Он и сам улыбался и посмеивался.

Наконец, он сдался. Девчушка подбежала к нему и взяла его за руки. Они вместе пошли на площадь.

Я оглянулся, а когда вновь взглянул на них, все они смотрели вверх. Невольно и я поднял взгляд. В тот же миг в здание напротив упал снаряд. Из окон вырвались камни, дерево, пыль. Здание раздулось и медленно осело. За ним снова взрыв, соседний дом разлетелся в клочья. Серая пыль заполонила площадь.

Огни вспыхивали снова и снова, снова раздавались взрывы. Стекла дребезжали и лопались, земля дрожала, пыль клубилась, поднималась все выше и выше. И вот, снаряд разорвался совсем рядом со мной. Я рухнул на пол и поспешно

закрыв голову руками, свернувшись калачиком.

Взрывы продолжались. Слышались скрежет, треск дерева, стекол, падение огромных бетонных блоков, кирпичные стены осыпались, как песчаные замки. Вихрь звуков постепенно утихал, пока не оборвался где-то совсем далеко.

Кажется, кто-то закричал. Да, кто-то определенно кричал. Стоны, тихие и громкие, доносились сквозь шумно оседающую на землю пыль. Я открыл глаза.

Совсем светло. Не от солнца, а от пыли и огня. Несущие стены домов ободраны, как деревья без листвы. Верхних этажей практически не осталось. Все они ссыпались вниз, как ручьи песка и щебня. Пыль пока не улеглась.

Посреди этих руин, засыпавших площадь, я заметил его серый костюм, обсыпанный белой пылью, его шляпу. Он замер, не двигался, не шевелился. Старый патефон до сих пор крутил пластинку с музыкой.

Меня поднял на ноги какой-то солдат. Он трепал меня за голову, бил по щекам, кричал и показывал пальцем в сторону, куда бежали остальные. Он схватил меня за плечо и толкал туда, махал руками, винтовкой. Я не двигался, смотря в сторону.

Он остановился, смотрел на меня и не знал, что делать. А потом, в миг, исчез. Я оглянулся на него – он лежал на земле. Вокруг него кружились пчелы, как над цветком в погожий денек.

В небе проступило солнце и на миг осветило все вокруг. Цветущие зеленые поляны, сотни растений. Свежий, прохладный ветерок обдувал лицо. Хотелось ощущать его всем телом. Я поднял руки.

На них тут же налетели пчелы, садились и лопались, взрывались красными оттенками, как шарики, наполненные краской. Пчелы облепили меня с ног до головы. Одна села мне прямо на грудь. Села и лопнула. И весь мир, родина, небо – все лопнуло...

СУЩНОСТЬ И НАЗНАЧЕНИЕ

Не было и дня в моей жизни, в котором не было боли. Я не считал и не записывал каждый раз, когда у меня кольнет в боку или мизинец предательски ударится об угол, но могу с уверенностью в 100% сказать вам – нет ни одного дня, в котором человек не чувствовал боль. Причем нет большой разницы, боль физическая или боль эмоциональная.

Боль – это то, что сопровождает нас с детства и до конца жизни. Первое, что мы чувствуем – это потребность в еде и сне и боль. Это ощущение, чувство заложено в каждом человеке, как глаз или нога, нос, зрение и обоняние. Поэтому мы не представляем жизни без боли.

Боль вдохновляет нас. Даже больше – ничто не вдохновляет человека творить, писать картины, сочинять музыку, стихи, поэмы, как боль. О боли можно говорить бесконечно долго, можно выдумать сотни метафор, сотни аллегорий, ты-

сячи, миллионы историй, и все они по своему будут интересны нам. Чего, к сожалению, не скажешь о счастье. Как ни крути, боль вносит в искусство особую нотку, особую изюминку, которую сразу видно. Гениальные люди – это прежде всего страдальцы, ибо боль тянет нас выше.

На рефлекторном уровне мы знаем, что она существует, наше подсознание всегда на чеку, хотя мы и не представляем об этом. Иначе почему мы вдруг дергаемся, когда что-то проносится мимо или неожиданно замечаем, что кто-то хочет нас ущипнуть?

Наше тело автоматически избегает ее, берет управление в свои руки и спасает нас от неприятного ощущения. Наш организм настроен так, что просчитывает ситуацию на несколько ходов вперед, а когда до него доходит, что сейчас будет больно – он уклоняется от боли. Но вы ошибаетесь, если думаете, что главная функция этого действия – избавить вас от ощущения боли.

Суть не в этом. Ведь если бы организм не хотел чувствовать боль – он бы не чувствовал, так? Если бы ему не нужно было ее чувствовать...

Однако.

Боль – это все. Она всюду. Даже касания, нежные прикосновения можно расценивать

как боль. Ведь в чем разница между тем, когда тебя нежно гладят, и тем, когда тебя бьют с размаху? Только лишь в силе, с какой нечто воздействует на твои рецепторы. Получается, прикосновение – это легкое чувство боли, а если мы жаждем прикосновений – мы жаждем боли. Нередко говорят, что и жажда привязанности – та же жажда боли. Думаю, да. Ну такой, небольшой. Приятной.

Как-то я ел котлету, по вкусу напоминавшую боль. О чем это говорит? Да, именно об этом. Мы нуждаемся в боли и нередко ищем ее в чем-то. Возможно, так мы можем удостовериться в том, что все еще живы и можем чувствовать. С помощью боли мы возвращаемся в прошлое. И возвращаем прошлую боль. Зачем? В такие моменты мы лишь прикасаемся к боли, и прикосновение это, отчасти, приятно.

Да, существует особый ген, который избавляет человека от боли. Я читал о некоторых случаях, когда люди совершенно не чувствовали боль. Так же, думаю, к боли можно отнести и особое чувство – ощущение собственного тела. Ощущение прикосновений к себе.

Так вот. Люди, не чувствующие боли. Мечта? Посмотрим, что вы скажете, когда откусите себе язык за обедом и не заметите.

Признаю – это весело! Можно делать что угодно: прыгать с крыши, кататься на велосипеде по крутым склонам, драться до победного. Этим, впрочем, они и занимались в детстве.

Но, чувствуешь ты это или нет – небольшая разница, если твоя рука сломана.

Так было и у меня. Я понял, что сломал руку, только после трех дней, когда опухшее место покрылось разноцветными пятнами – тут желтое, тут синее, а тут – зеленое, фиолетовое, красное. Но, конечно, она немного побаливала. Иначе бы я и не заметил. Разве что немного опухла... Да, ни дня без боли.

Наверное, с детства я относился к боли весьма странно – я не успевал реагировать. Когда я, идя по улице, вдруг ударялся коленом обо что-то, я просто останавливался и думал. Мне всегда казалось, что я должен вскрикнуть или всплеснуть руками, как-то отреагировать на это, но не успевал – все уже произошло, и вот я стою посреди дороги, мимо меня проходят люди, я смотрю на них совершенно невозмутимо, а ушибленное место пульсирует от боли.

Когда я случайно выбил палец и почувствовал боль, просто поднял руку, посмотрел на неестественно изогнутый мизинец, посмеялся с друзьями и спокойно отправился к врачу.

А как заметить, что что-то не так, если не чувствуешь боли? Одна девочка с таким же геном и не заметила. Примерно месяц она бегала по двору своего дома с вывернутой ногой, пока не поняла, что ей неудобно. Именно неудобно. Супер, правда? Но есть, конечно, и обратная сторона. Например, когда ты прыгаешь с крыши, а потом тебе неудобно дышать. Или когда твои колени стираются в порошок, руки перестают работать, костям уже негде ломаться, а кожа изрыта жуткими шрамами.

Почему так происходит? Ведь, по логике, это должно избавить тебя от хлопот.

Так же логично это можно обосновать одним словом – аккуратность. Представьте, что ваше тело – это чья-то вещь, с которой не нужно особо церемониться.

Ведь именно так предстает перед нами остальное человечество – мы видим боль других и можем лишь представить ее (если, конечно, когда-либо испытывали ее), но не ощутить. Наша собственная боль дает нам понять, что наше тело – это часть нас, дает нам ощутить единства с ним.

Так вот в чем разница. Когда эта «вещь» повреждена, вы не сможете игнорировать это. Боль подскажет вам, что что-то не так.

Это и есть ее основная функция.

Боль создана не для того, чтобы сделать вашу жизнь невыносимой. Боль создана не для того, чтобы мучить вас. Она неодушевленный предмет, она не может желать вам зла, не может питать к вам личной ненависти, она – лишь чувство, рождаемое весьма серьезными причинами – неполадкой. Она лишь инструмент, лишь красная лампочка на приборной панели с надписью «Опасно!».

Наш организм не может кричать, не может обратить на себя внимания, если только не прибегнет к боли. Вот ее основная функция – просто-напросто передать информацию о том, что что-то не так, что-то произошло вот здесь, где болит, и если это не исправить – все будет очень и очень плохо.

Боль вызвана нашей «неаккуратностью» в обращении с собственным телом. Предельно ясно, что вам будет больно, если вы с разгона влетите головой в стену, будете тыкать себя иголками или бить молотком по пальцам. Предельно ясно, что, если плохо питаться, боль будет сообщать вам, что так продолжаться не может. Даже когда вы замерзаете на улице, а потом ваша спина жутко болит – это вполне ожидаемая реакция на тот, как вы одеваетесь не по погоде.

Боль – не месть, она не вредина, которая делает назло, она – следствие наших мыслей, а за ними действий. Почему мыслей? С эмоциональной болью дело обстоит точно так же, без исключений.

Наши душевные страдания возникают от тех же причин. Мы, в приступах жалости к себе, давим на собственные душевные синяки, копаемся в ранах своей души, самовольно вызывая в себе чувство боли, даже не давая себе отчет в этом. Что это, если неаккуратность в обращении с собой? Мы обижаемся, и, естественно, ощущаем обиду, боль. Что это за боль? Эта та самая боль, которая говорит тебе, что в твоём отношении к проблеме что-то не так. Мы не воспринимаем критику, хотя, допустим, суп, который мы сварили первый раз, и вправду ужасен, и мы понимаем это, но не принимаем. И вместо того, чтобы взять абонемент на кулинарные курсы, изрываем себя мыслями, которые доставляют нам боль.

Мы все понимаем, но эмоции одерживают верх, и возникает боль. Почему? Потому что наши суждения не верны.

Конечно, существуют ситуации, в которых от тебя ничего не зависит, в которых ответственность за твою боль возлагается не на тебя. Потерю близкого человека можно сравнить с ам-

путацией. С анестезией или без нее – болеть будет в любом случае, верно? Если у вас вдруг не стало руки, боль скажет вам – что-то не так, ты не можешь двигать рукой, она пропала. Как и наша эмоциональная боль говорит нам: «Этого человека больше нет! Что-то не так!»